

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Доклад К. М. Перепеловского прочитанный на 7-ом Съезде Кадет Российских Кадетских Корпусов в Париже, 28 июля 1980 г.

Говоря о Белом движении, нужно сказать несколько слов об участии в вооруженной борьбе против большевиков очень многих, если не всех кадет старших классов того времени, о чем свидетельствуют почти все белые военачальники. Преданность родине, горячее желание участвовать в ее спасении, часто — пример отцов или старших братьев привлекли в белые ряды кадет всех решительно корпусов, и кадет можно было встретить во всех белых армиях, кроме, может быть. Северной области, из-за отдаленности этого театра войны от каких-нибудь корпусов.

Служили кадеты в пехоте и в кавалерии, регулярной и казачьей, служили в артиллерии и в командах белых бронепоездов, артиллеристами или пулеметчиками. В октябре-ноябре 19 года в строевую роту Владикавказского корпуса, куда собрались кадеты многих корпусов, откомандированные из частей для продолжения образования, больше половины кадет явились в казачьих черкесках или в защитных гимнастерках, украшенных у многих Георгиевскими крестами или медалями, но все — в своих кадетских погонах и часто — с унтер-офицерскими и даже вахмистерскими или фельдфебельскими нашивками на них. В марте 20 года, при отступлении с Северного Кавказа в Грузию, рота была полностью зачислена в состав Кавказского офицерского полка, с которым была перевезена в Крым, где кадеты были распределены по военным училищам.

Звание кадета пользовалось в Добровольческой армии известным признанием и, можно сказать, уважением, открывая при случае многие двери, закрытые для других.

Следуя примеру своих старших однокашников — кадет 1917-20 годов, ваш 6-й Съезд постановил призвать кадет считать себя их преемниками и носителями Белой идеи. Это и понятно, так как нет сомнения в том, что те из вас, кому по малости лет в то время не пришлось принять участия в белом движении, будь вы в возрасте стать в ряды белых воинов, всех вас можно было бы встретить на позициях и на боевых площадках бронепоездов и под Екатеринодаром и под Орлом, под Царским Селом и Гатчиной, под Самарой, Казанью и под Уфой.

Нет также никаких сомнений и в том, что это решение 6-го Съезда отозвалось и еще отзовется чувством глубокого удовлетворения в сердцах еще живых сподвижников Корнилова, Деникина, Врангеля, Каппеля, Юденича и других белых вождей.

* * *

Параллельно с начавшимся с первых же дней мартовской революции развалом армии, началась и борьба за сохранение ее боеспособности. На одном из полюсов этой борьбы стоял лояльный по отношению к Временному правительству командный состав, понимавший невозможность продолжения войны без сохранения в войсках дисциплины, на другом находились требовавшие прекращения войны крайние социалистические партии с большевиками во главе, которые толкали солдат на неповиновение начальникам, неисполнение боевых приказов, братание с врагом и т. д.

Между этими двумя полюсами оказалось Временное правительство, неспособное сопротивляться требованиям Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, явно тяготевшее к большевизму и пораженчеству. На словах Временное правительство проводило мысль о необходимости продолжать войну до победы, а на деле, под давлением Советов все время уступало солдатской массе, не желавшей больше воевать и неудержимо стремившейся к немедленному миру.

Целый ряд мер по так называемой демократизации армии, принятых Временным правительством, как введение комитетов и комиссаров, упразднение дисциплинарной власти начальников, отмена военно-полевых судов и упразднение

смертной казни за тягчайшие воинские преступления, и, наконец, декларация прав солдата, сразу же воспринятая солдатской массой как отрицание каких-либо обязанностей, сделали борьбу командного состава за сохранение дисциплины совершенно безнадёжной.

Катастрофический провал июльского наступления армии Юго-Западного фронта, окончательно разрушил иллюзию о революции, якобы открывающей путь к победе; в то же время он выдвинул на первый план текущих событий яркую фигуру генерала Корнилова, сумевшего крутыми мерами, самочинно им принятыми, остановить и привести в порядок находившиеся в паническом отступлении войска.

Смелый, суровый, решительный и независимый, не останавливающийся ни перед какой ответственностью, ни перед какими самостоятельными действиями, требуемыми обстановкой, генерал Корнилов стал с тех пор в глазах многих подлинным народным героем. На него возлагались большие надежды и от него стали ждать спасения страны.

Назначенный 1 августа Верховным Главнокомандующим, генерал Корнилов вступил 6 августа в исполнение своей новой должности.

Под впечатлением Тарнопольского разгрома армии Юго-Западного фронта все государственно мыслящие элементы русского общества поняли наконец, что разрушающаяся армия тянет за собой в пропасть и всю страну, и в умах многих сама собой зародилась идея необходимости твердой власти, сосредоточенной в твердых опытных руках, не связанных никакой партийной программой, власти свободной от необходимости оглядываться после каждого своего шага на всевозможные советы и комитеты, иначе говоря — о диктатуре, единственно способной положить конец творящейся в стране анархии.

Понимал это, конечно, сам министр — председатель Временного правительства Керенский, этот злой гений России, не мысливший, впрочем, в роли диктатора никого другого, кроме себя самого. Не имея возможности при этом рассчитывать на поддержку армии расколовшейся к тому времени окончательно на два враждебных один другому лагеря, солдатский и офицерский. Керенский решил осуществить диктатуру, опираясь на советы.

Уже сразу после назначения генерала Корнилова Верховным Главнокомандующим, как показывал впоследствии военный министр Савинков следственной комиссии по делу Корнилова, Керенский почти ежедневно возвращался к вопросу об удалении генерала Корнилова с занимаемого им поста, причем предполагалось, что пост этот займет сам Керенский. В начале же сентября слухи о заговоре в Ставке, личная неприязнь к Корнилову, упоение властью и честолюбие ослепили Керенского настолько, что он, очевидно, принял твердое решение «нейтрализовать» генерала Корнилова, как возможного диктатора, не останавливаясь как потом оказалось даже перед провокацией.

Воспользовавшись, как предлогом, начавшимся движением к Петрограду эшелонов 3-го конного корпуса, двинутого к столице Ставкой по его же собственной просьбе, переданной генералу Корнилову Савинковым, на случай ожидаемого выступления большевиков против Временного правительства, Керенский опубликовал официальное сообщение, в котором обвинял Корнилова в попытке свергнуть правительство снятыми для этой цели с фронта войсками. Генералу Корнилову предписывалось сдать должность Верховного Главнокомандующего и явиться в Петроград.

Возмущенный возведённым на него явно ложным обвинением и убежденный в том, что решение о его смещении принято под давлением Совета, генерал Корнилов отказался подчиниться приказу сдать должность.

В то время как Савинков и другие лица пытались найти мирный выход из создавшегося положения и убедить Керенского как-то сговориться с генералом Корниловым, состоялось назначение Временным правительством Керенского Верховным Главнокомандующим и был подписан указ правительства о предании генералов Корнилова, Деникина, Лукомского,

Маркова и Романовского суду «за мятеж». Тогда же была назначена следственная комиссия для расследования дела о «бывшем Верховном Главнокомандующем генерале Корнилове и его соучастниках, учинивших восстание против правительства», и началось формирование карательных отрядов для ареста генерала Корнилова и разгрома Ставки.

Не желая быть причиной кровопролития между этими отрядами и преданными ему Корниловским ударным и Текинским конным полками расположенными в Могилеве, генерал Корнилов согласился сдать должность Верховного Главнокомандующего генералу Алексееву и 14 сентября, вместе с генералами Лукомским и Романовским, был арестован в Могилеве. Несколькими днями позже арестованные генералы были переведены в г. Быхов, в 50 верстах от Могилева, куда были также привезены генералы Деникин и Марков, арестованные в Бердичеве как «соучастники восстания».

После захвата власти в Петрограде и Москве большевиками все заключенные в Быхове генералы были по распоряжению ген. Духонина — начальника штаба Верховного Главнокомандующего освобождены и решили отправиться на Дон к генералу Каледину.

* * *

Прежде чем говорить о периоде вооруженной борьбы на полях нашей родины, борьбы за спасение Великой России, за ее честь и достоинство, за поруганные святыни, периоде, который войдет в новую историю Государства Российского под именем «**Белого движения**», не будет лишним сказать несколько слов по поводу самого названия движения.

Мы говорим «**Белое движение**», «**Белое дело**», «**Белая идея**», «**Белая армия**», но почему, собственно говоря, движение это получило название «Белого»? Почему его основоположники, генералы Алексеев, Корнилов, Каледин, не пользовались этим названием, начиная борьбу, а генерал Деникин в своих обращениях к населению и в своих воззваниях говорил всегда от имени «**Добровольческой армии**», а однажды, в мае 1918 года, воспользовался термином «**Добровольческое движение**»?

Здесь мы сталкиваемся с курьезным парадоксом: «белыми», «белогвардейцами» начали называть добровольцев их противники, большевики, по якобы существовавшей аналогии между Добровольческой армией и эмигрантской «белой» армией эпохи французской революции. Проведена такая параллель была не случайно, а с целью ввести общественное мнение в заблуждение, изобразив Добровольческую армию силой реставрационного порядка, что, конечно, было неправдой. В то время как французская «белая» армия сражалась за идею легитимной монархии и взяла для своего флага белый цвет, цвет королевского дома Бурбонов, Добровольческая армия вовсе не была ни реставрационной, ни монархической, и не случайностью являлось то, что на ее флаге красовались не романовские цвета, черный, оранжевый и белый, а цвета национального флага, белый, синий и красный.

Новое название «**белые**», заменив прежние — «**кадеты**», «**контрреволюционеры**» — мало-помалу привилось, добровольцы его приняли, и им стали пользоваться не только рядовые участники движения, но и вожди его и идеологи, придавая ему, конечно, совершенно иной смысл. Так белый цвет, синтез всех цветов спектра, войдя в название движения, стал символом чистоты устремлений его участников, белизны и патриотичности двигавших их мотивов и символом мирного сотрудничества всех слоев и групп населения России, противопоставляемого классовой ненависти и перманентной революции, олицетворявшихся красным цветом, цветом крови.

* * *

Моральное значение борьбы белых заключалось, по словам генерала Деникина, в том, что не будь вооруженного сопротивления волне большевизма, захлестывающей Россию, история могла бы считать, что все население страны сочувствовало совершившемуся 7 ноября 1917 года коммунистическому перевороту или же, что никто из русских людей не нашел в себе мужества протестовать против режима насилия и террора, возведённых в систему управления страной.

Движущая идея белой борьбы была проста. Она вела белых с самого начала, когда они сами, их сознание еще не сформулировало ее точно. Надо было спасти Россию, избавить ее от духовной заразы, олицетворяемой большевизмом, остановить моральный развал страны и физическое распадение ее на составные части. Поэтому гражданская война стала для белых духовной неизбежностью. Жалок был бы тот народ, который в таких условиях не нашел бы в себе сил для вооруженного сопротивления злу, и Россия нашла эти силы в лице добровольцев, любивших родину горячей жертвенной любовью, ставивших ее судьбу выше своей собственной и пошедших за Алексеевым и Корниловым, не ища для себя ничего и отдавая все, что бывает человеку дорого в личной жизни.

Белое дело никогда не было сословным, ни классовым, ни партийным, ни делом реакции или реставрации. Оно было делом России, русского государства, и белый дух определялся первичным и основным свойством человека — преданностью родине.

О духовном облике первых добровольцев генерал Деникин говорил, что, пойдя за Корниловым, они были чужды политики, верны идее борьбы за спасение страны, храбры в боях и преданы своим вождям. Впереди их ждало увечье, многих — смерть, и победа представлялась тогда лишь в очень отдаленном будущем... Они встречали в обществе равнодушие или неприязнь, в народе вражду, часто злобу и поношение. Не раз на местах, переходивших из рук в руки, они находили изуродованные трупы попавших в плен своих соратников и слышали леденящую душу повесть свидетелей убийства, чудом спасшихся из рук большевиков. Какую же нужно было иметь веру в правоту своего дела, чтобы следовать за своими вождями в полную неизвестность, как высок должен был быть дух этих первых добровольцев и сознание необходимости продолжать начатую борьбу, чтобы в тяжелые дни Первого похода, когда все казалось потерянным, не поддаваться чувству самосохранения во что бы то ни стало и не покинуть обреченную на верную гибель армию?

И позже, после многих месяцев кровопролитных боев, когда части уже по много раз переменили свой боевой состав, пополняясь кубанскими казаками и новыми добровольцами с севера и юга России, уезжали и возвращались раненые, гибли сотнями и тысячами воины и ожидали такой же участи уцелевшие, ибо, казалось, невозможно было выйти из этой кровавой эпопеи живым и неискаленным, когда генерал Деникин бывал у кубанцев Врангеля или Покровского, у добровольцев Казановича, Дроздовского или Боровского, не только во дни их побед, но и тяжелых неудач, он видел людей усталых, но бодрых и жизнерадостных, которые не жаловались на свою удручающую материальную обстановку и только просили «по возможности» прислать патронов и пополнений. Им не нужны были пышные и возбуждающие слова приказов и речей, не были нужны обманчивые обещания социальных благ, они знали, что путь их долог, тернист и кровав, но большинство из них искренно желали спасения родины, верили крепко в конечную победу

и с этой верой шли в бой и на смерть.

Таковым был, вопреки лживым утверждениям большевистской пропаганды, подлинный облик белого воинства.

ОФИЦЕРЫ

Роль русского офицерства в Белом Движении требует остановиться подробнее на облике русского офицера, каким он был в те судьбоносные года.

Оговоримся сразу же относительно того, что все, что будет сказано далее, ни в какой мере не относится к тому совершенно незначительному, по отношению к общему количеству офицеров, числу генералов и офицеров старой армии или чистых демагогов или оппортунистов — «приспособленцев» — из карьерных соображений или из простого раболепства и угождения перед новыми повелителями обнаружившими полную готовность идти в ногу с могильщиками старой армии. Кроме этих двух категорий было также известное число офицеров военного времени, связанных своими давними или недавними политическими убеждениями с социалистическими партиями, скрывать которые они после революции не имели больше причин. Чаще всего они вошли в состав различных армейских советов и комитетов.

Большевистские историки изображали и продолжают изображать русского офицера ярким представителем дворянства, «господствующего класса», или буржуазии, а в 1917 году это был любимый демагогический прием большевиков для натравливания солдатских масс на офицеров. В действительности же это было совсем не так. Законом 1874 года русская армия была построена на сословном начале, и, если остатки сословности в офицерском корпусе не были еще окончательно изжиты, то проявлялись они только лишь в гвардии и до некоторой степени в кавалерии. Русским офицером мог стать всякий, кто получал соответствующее военное образование и подготовку. Колоссальная потребность в офицерском составе во время войны, с 30 тысяч в мирное время до 300 тысяч к осени 1917 года, окончательно уничтожила все сословные пережитки в комплектовании офицерского корпуса. В офицеры во время войны брались все, кто по своему образованию мог хоть сколько-нибудь вместить ускоренную подготовку к офицерской службе и офицерский состав армии, вбирая в себя всю молодежь русской интеллигенции и теряя свой прежний профессиональный облик, все более приобретал облик обыкновенного русского интеллигента.

Повышенная во время войны потребность страны в интеллигентных силах облегчала всем получившим образование, возможность устройства в тылу и таким образом уклониться от вступления в ряды Действующей армии. Как следствие такой возможности происходило само собой отсеивание ловчил и шкурников, и состав младших офицеров Действующей армии пополнялся только такими молодыми людьми, которые устояли от искушения «окопаться» в тылу. Таким образом создавался своего рода социальный отбор наиболее патриотичной и действительно настроенной молодежи, в глазах которой идея прекращения войны и сдачи на милость победителя были синонимом гибели России.

В первые дни революции масса русского офицерства приняла ее, так же как приняла она и Временное пр-во, по отношению к которому офицерство было вполне лояльно. Офицер не выступил на защиту старого режима как раз потому, что он верил, что совершившаяся революция национальна и новое пр-во поможет армии довести войну до победы, на что павшее

царское пр-во было, очевидно, неспособно.

Но во всех последующих шагах Вр. пр-ва офицер Действующей армии увидел только неуклонную капитуляцию перед разрушительными силами революции и быстро прогрессирующий развал государственности и армии. Все уступки Вр. пр-ва солдатской массе, не желавшей больше воевать, привели к тому, что солдаты начали видеть в своих офицерах единственное препятствие на пути к немедленному окончанию войны, а подозреваемое в приверженности к старому режиму и в стремлении к его реставрации офицерство оказалось на положении какого-то политически неблагонадежного элемента. Эта политика заискивания и угодничества перед солдатами и правительственные мероприятия, ломавшие все основы военной службы, отталкивали офицеров от Вр. пр-ва, подрывали веру в творческие возможности революции и способствовали зарождению контрреволюционных настроений.

Здесь нужно условиться о значении, придаваемом нами термину «контрреволюция»: термин этот, через три-четыре месяца после победившей революции, отнюдь не означал никаких реставрационных вождедений, а являлся выражением реакции обостренного национализма, протестующего против разрушения государства. В таком именно смысле он и будет нами употребляться в дальнейшем изложении.

Попытка генерала Корнилова в сентябре месяце положить конец развалу армии и страны и была преждевременным взрывом этих постепенно накапливавшихся контрреволюционных настроений. Она озлобила солдатские массы еще сильнее и усилила разрыв между двумя лагерями — офицерским и солдатским, дойдя до крайности, и оба лагеря становились по отношению друг к другу просто уже враждебными. В Действующей армии произошли резкие эксцессы, жертвами которых явились офицеры, подозреваемые солдатами в сочувствии генералу Корнилову. Офицерство, униженное и бесправное, оказалось всецело в руках озверевших солдатских масс, и сознание своего полного бессилия во много крат усиливало враждебность офицеров к Временному правительству и к «победителю» Корнилова Керенскому. Победа Керенского, которая по существу оказалась победой большевиков, главенствовавших в Петроградском совете, привела к тому, что в офицерской среде прочно установилось убеждение, что Керенский и все социалисты вообще являются такими же врагами национальной России, как и большевики, и разницу между ними офицеры видели только в «степени», но не по существу.

Психологическое значение неудачи генерала Корнилова заключалось в том, что гонения, которые испытали примкнувшие к его выступлению или только сочувствовавшие ему, могут быть уподоблены тем ударам молота, которые придают раскаленному железу определенные формы. Вспомните слова поэта: *«Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»*. Неудача генерала Корнилова вызвала в до тех пор еще расплывчатом контрреволюционном настроении офицерства оформление одного из течений такого настроения, получившего впоследствии название «Белого движения», а сделавшийся душой этого движения патриотизм получил специфический отпечаток «военного» патриотизма с героизмом и самопожертвованием, доведёнными до наибольшей высоты. Тем самым предreshалась и главенствующая роль офицерства в «Белом движении». Гонения, которым подверглось оно после неудачи генерала Корнилова, прочно сковали между собой наиболее действенные его элементы, а сила отталкивания офицерской среды от неоднородных элементов значительно возросла. Такая обособленность

офицерства отразилась прежде всего на отношении офицеров к солдату, ставшему открытым врагом. В Корниловские дни офицер увидел также, что либеральная интеллигенция, за немногими исключениями, боязливо от него отвернулась, либо пребывая «в нетях», либо находясь в стане противника, поведение же Керенского довело озлобление, накапливавшееся в офицерстве против «революционной демократии» до самой высокой степени. В представлении рядового офицерства прочно закрепилось убеждение, что все социалисты являются потенциальными предателями родины.

Эти настроения, глубоко укоренившиеся в офицерстве, оно принесет впоследствии в Белое движение.

Как всякое поражение, неудача генерала Корнилова вызвала в офицерстве известную депрессию. Но дух его не был побежден. Затаив внутри себя свои идеи, оно стало еще более непримиримым ко всему комплексу явлений, который получил название «керенщины», а в словаре революции появился новый термин — «Корниловцы», — произносившийся одними с гордостью, другими с ненавистью и со страхом.

Но и в массе русского офицерства, спаянной идеей необходимости спасти Россию, идеей, ставшей своего рода религией, существовали свои сомнения и колебания. Террор, возведённый после захвата власти большевиками в систему удержания власти над страной, устрашал слабых, которые, стремясь укрыться от взора большевиков, растворялись в той среде, из которой они вышли (большинство младших офицеров и юнкеров 1917 года принадлежали к крестьянскому сословию). Другие, которые пока еще не могли свыкнуться с мыслью об участии в гражданской войне, откликнулись на призывы большевиков к защите страны от внешнего врага, в данном случае от германских оккупационных войск, и поступали в формируемые для большевиков некоторыми генералами воинские части так называемой «завесы» для несения кордонной службы вдоль демаркационной линии и, главное, для сохранения от расхищения населением огромного имущества старой армии, оставшегося без надзора после ее демобилизации. Для этих офицеров, которых большевикам удалось за весь 1918 год привлечь 22 тысячи человек, служба в «завесе» оказалась лишь переходной ступенью к участию впоследствии в гражданской войне на красной стороне. И, наконец, третьим, находившимся где-нибудь в сравнительной безопасности, нужен был некоторый срок, в течение которого они изжили бы свои сомнения.

Но, устрашая слабых, большевистский террор в то же самое время укреплял дух сильных и способствовал отбору в среде офицеров героически настроенного действенного элемента. История знает уже примеры такого морализующего влияния гонений, наиболее ярким из которых является начальный период христианства, и облик офицера, дерзнувшего, несмотря на ожидавшую его верную гибель, не выпустить из рук знамя борьбы за Россию, униженную и разрушаемую большевиками, начал, как магнит, привлекать к себе наиболее жертвенную часть русского юношества и молодежи. Офицеры, юнкера, кадеты и учащаяся молодежь стекались в те районы страны, где проявлялись проблески контрреволюционных настроений. Офицеры уходили из своих разлагающихся частей, молодежь притекала из городов, подпавших под власть большевиков; одним удавалось пробраться благополучно, другие попадали в большевистские тюрьмы и застенки, а чаще всего в могилу. Шли одиночками, иногда группами, не имея представления о том, что их ожидает впереди, шли ощупью, во тьме, через бушующее революционное море, неся в сердце только одно желание — спасти Россию.

Впоследствии, с развитием общероссийского противобольшевистского движения, офицеры входили в состав всех решительно противобольшевистских организаций самых различных наименований и собираемых самыми различными лицами. Они шли не только в армию Алексея и Корнилова, они откликнулись и на призыв Каледина и пошли в донские партизаны и в кубанские добровольцы; они составляли основной стержень в казачествах и в Сибири (17 тысяч); в законспирированных местных организациях главным действующим лицом был все тот же русский офицер. И он шел и дрался повсюду лишь бы главной целью действий ставилось спасение России. Но изверившийся в политических лидерах охотнее всего шел офицер за известными ему военными вождями, среди которых ближе всего его сердцу были те, кто проявил наибольшую непримиримость к Временному пр-ву. «Побежденный» Керенским генерал Корнилов приобрел в глазах офицеров такой ореол, который естественно выдвигал его как неоспоримого главу контрреволюции.

Картина запломбированного вагона, в котором немцы доставили в Россию Ленина, была всегда жива в их памяти, так же как и денежная помощь, которую большевики получали от германского Генерального штаба. Поэтому борьба с большевиками принимала в их глазах не характер гражданской войны, а являлась как бы продолжением войны внешней с прежним врагом, Германией, и это приводило к укреплению среди них «союзнической ориентации», а обостренный их национализм предопределил, как реакцию на проявления «местных» патриотизмов, проявлявшихся в окраинных областях России, и появление в Белом движении девиза «за Единую и Неделимую Россию».

Вооруженная борьба с большевиками добровольцев, отозвавшихся на призыв генералов Алексея и Корнилова и положивших на Дону основание Добровольческой армии, началась в ноябре 1917 года и продолжалась на Юге России три года, до ноября 1920 года, потребовав от русского офицерства бесчисленных кровавых жертв. Сколько офицеров приняло в ней участие неизвестно, так же как нельзя счесть сотни и тысячи безвестных офицерских могил, что оставили мы на Дону и на Кубани, на Украине и в Новороссии, на Кавказе и в Крыму, на Урале и в Сибири.

Но некоторое представление о жертвенности русского офицерства можно все же получить: одному из славнейших полков Добровольческой армии удалось сохранить журналы боевых действий Корниловской дивизии с занесёнными в них кровавыми потерями Корниловцев. И цифры эти говорят сами за себя: из общего числа 35 тысяч раненых на офицеров приходилось 12.800, а из 13 с половиной тысяч убитых Корниловцев офицеров было 5.320, из них 4 командира полков и 65 командиров батальонов.

О них, наверно, и думал, обращаясь к Галлиполийцам, большой русский писатель, говоря о жарком пламени, пылающем на могиле французского неизвестного солдата:

«Пусть не всегда были подобны горнему снегу одежды белого ратника, — да святится вовеки его память! В дикой и ныне мертвой русской степи, где покоится белый ратник, тьма и пустота. Но знает Господь, что творит. Где то пламя, что было бы достойно этой могилы? Ибо там гроб Христовой России. И только ей одной поклонюсь я в день, когда Ангел отвалит камень от гроба ее.

Дорогие, любимые. Вы, которые, по слову летописца, бестрепетно «дали Богу души свои». Вы, крестными путями и подвигами своими спасшие честь России и веру в нее, — земной Вам поклон!».

Первый по времени. Южный фронт борьбы белых был создан 15 ноября 17 года, когда в донскую столицу приехал генерал Алексеев, положивший начало формированию из добровольцев, офицеров и юнкеров, вооруженной силы, получившей впоследствии название «Добровольческой армии».

Протекало это формирование с большими трудностями. Если выборный Атаман войска Донского генерал Каледин, благороднейшая личность, был готов оказать генералу Алексееву полное содействие, он должен был все же считаться с местным войсковым правительством, в состав которого были введены и представители неказачьего населения Донской области, настаивавшие на разоружении и роспуске воинских частей, формируемых генералом Алексеевым, и генералу Каледину стоило больших усилий отстоять существование на Дону общероссийской вооруженной силы. Большим затруднением был недостаток вооружения и снабжения всех видов, в которых нуждались добровольцы генерала Алексеева, не говоря уже о, почти полном, отсутствии денежных средств. Самой большой все же трудностью в осуществлении задуманной генералом Алексеевым организации вооруженной силы оставалась причина психологически социального характера: в Добровольческую армию поступали офицеры, юнкера, кадеты и другая учащаяся молодежь и почти совсем не было солдат. Так Добровольческая армия с самого начала приобрела характер не «всенародного ополчения», как это было задумано, а некоей «офицерской» части, морально оторванной от народных масс.

7 января приехавший в Новочеркасск генерал Корнилов вступил по соглашению с генералом Алексеевым в командование армией, получившей с этого дня официальное название «Добровольческой». Ген. Алексеев взял на себя гражданское управление территорией, которая могла быть занята Добровольческой армией, внешние сношения и финансы, а за генералом Калединым осталось управление областью войска Донского.

9 января была впервые обнародована политическая программа Добровольческой армии, или, применяя более общее выражение, программа Белого движения, излагавшая цели Добровольческой армии. Первым пунктом этой программы стояло «создание организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию». Непосредственной же задачей армии являлось противостоять вооруженному нападению на юг и юго-восток России.

Наряду с этими целями Добровольческая армия должна была стать в будущем той силой, «которая позволит русским гражданам осуществить дело государственного строительства свободной России».

Упоминание в программе о немецко-большевистском нашествии, которое будет повторено и в нескольких последующих декларациях вождей Белого движения, неудивительно. Формирование Добровольческой армии относится к тому времени, когда мировая война еще не была закончена, и победа Франции и Англии представлялась многим еще очень проблематичной. Сделавшийся душой Белого движения патриотизм имел поэтому специфический характер «психологии войны»: в глазах вождей Белого движения и пошедших за ними офицеров исконным врагом России, врагом жестоким и беспощадным, оставались немцы, война с которыми должна была продолжаться «в полном единении с союзниками до заключения мира, обеспечивающего достоинство и жизненные интересы России («Быховская программа»), большевики же, и главным образом их лидеры считались немецкими ставленниками и пособниками, действующими в полном согласии с планами германского Генерального штаба. И,

вообще говоря, гражданскую войну в России нельзя рассматривать только как некое обособленное столкновение двух мировоззрений. Начатая во время разгара мировой войны, русская гражданская война тесно с ней связывалась и переплеталась, и эта неразрывная связь предопределяла характер действий на территории России Германии, с одной стороны, и Франции и Англии, с другой, которые продолжали вести между собой войну в русском Доме, нисколько не считаясь с интересами хозяев этого Дома. В частности, поведение наших союзников, забывших свой долг перед Россией, много раз выручавшей их в предшествующие годы войны, и их национальный эгоизм находят свое объяснение в том, что сами они еще продолжали в то время вести войну с Германией не на жизнь, а на смерть.

Сопротивление окраин октябрьскому перевороту встревожило наконец советское правительство, и в конце декабря 17 года им были созданы Коллегия по организации Красной армии и специальный комиссариат по борьбе с контрреволюцией во главе с Антоновым-Овсеенко со штабом в Харькове. Из окраин наибольшее значение имели, конечно, Дон и Украина, где правительство Центральной рады, так же как и Дон, не признало советской власти, почему Антонов направил имевшиеся в его распоряжении силы для подавления в первую очередь этих двух очагов контрреволюции.

Наступление войск Антонова на Дон вызвало необходимость выдвижения частей Добровольческой армии, насчитывавшей в то время около 2.5 тысяч бойцов на Таганрогское направление, где полковник Кутепов сдерживал натиск большевиков у Матвеева Кургана, в 40 км. к северу от Таганрога. На Воронежском направлении такую же задачу выполняли донские партизаны полковника Чернецова, в то время как непосредственное прикрытие Новочеркасска было возложено на две офицерские роты Добровольческой армии.

Кольцо советских войск постепенно стягивалось вокруг Ростова и Новочеркасска. С юга, в районе ст. Тихорецкой начали появляться возвращавшиеся с Турецкого фронта части старой 39-й пехотной дивизии, собиравшиеся пробиться через Ростовский железнодорожный узел, чтобы иметь затем возможность разойтись по домам. Восстание пяти тысяч рабочих Балтийского завода в Таганроге угрожавшее тылу отряда полковника Кутепова и все усиливавшееся давление красногвардейских отрядов Сиверса с фронта заставили добровольцев отходить с боем на подступы к Ростову. На Воронежском направлении, где несколько сотен донских партизан Чернецова сопротивлялись продвижению красных к Новочеркаску, обстановка к концу января еще более осложнилась созданием в станице Каменской про-большевистского донского казачьего военно-революционного комитета, сформировавшего красный «северный казачий отряд» под начальством войскового старшины Голубова. Кроме Добровольческой армии и горсти донских партизан, защищать Дон было некому. Двухмиллионное донское казачество воевать не хотело, возвращавшиеся с фронта донские полки сдавали оружие красногвардейским отрядам в Донецком бассейне и расходились по станицам. На призыв своих выборных атаманов стать на защиту Дона не откликнулись ни казаки-фронтовики, ни старики. Такой «нейтралитет» проистекал из наивного убеждения казаков в том, что если «не дразнить большевиков, то и они не тронут Дона». Эти иллюзии возможности мирного сожительства с советской властью дорого обошлись впоследствии донскому казачеству.

В начале февраля, придя к убеждению в беспечности и безнадежности дальнейшего пребывания Добровольческой армии на Дону, генерал

Корнилов решил увести добровольцев на Северный Кавказ. 10 февраля он телеграммой сообщил о своем решении генералу Каледину, прося отдать добровольческим ротам распоряжение сняться с Новочеркасского фронта и идти в Ростов на присоединение к уходящей армии. Телеграмме этой было суждено сыграть для генерала Каледина решающую роль: 11 февраля, в последнем заседании Донского правительства он сложил с себя атаманские полномочия и, пройдя к себе домой, выстрелом из револьвера покончил жизнь самоубийством.

В ночь с 20 на 21 февраля Добровольческая армия покинула Ростов и, переправившись по льду через замерзший Дон у ст. Аксайской, сосредоточилась в ст. Ольгинской. С своей стороны отряд последних донских партизан численностью в 1.5--2 тысячи человек во главе с походным атаманом генералом Поповым оставил 25 февраля Новочеркасск, направляясь в Задонье.

В станице Ольгинской была произведена реорганизация Добровольческой армии. Все мелкие части и отдельные отряды были сведены в более крупные единицы и были приведены в известность все имеющиеся средства и запасы. Армия получила следующую организацию: 1-й Офицерский полк под командой генерала Маркова, Корниловский ударный полк во главе с полковником Неженцевым, Партизанский полк, состоявший главным образом из донцов, с командиром генералом Богаевским, Юнкерский батальон генерала Боровского, артиллерийский дивизион полковника Икишева из четырех двухорудийных батарей, чехословацкий инженерный батальон капитана Неметчика и три конных отряда численностью в один эскадрон каждый.

В каждом полку было не более 500-700 штыков, и во всей армии едва 3.5-4 тысячи человек. К этому нужно прибавить до тысячи человек небоевого элемента, находившихся в обозе раненых, стариков и женщин. Ружейных патронов было очень мало, артиллерийских снарядов едва 600-700.

В ст. Ольгинской перед командованием встал вопрос о дальнейшей цели действий армии и направлении ее движения. После долгого обсуждения на военном совете старших начальников было принято решение о движении на Кубань, где предполагалось найти еще не затронутые большевизмом станицы, сочувственное настроение казачьего населения и достаточные запасы продовольствия. Были также слухи о присутствии в Екатеринодаре многочисленных кубанских добровольцев, соединение с которыми должно было усилить армию. В случае же неуспеха армия смогла бы, дойдя до Кавказских гор, там рассеяться. Нужно учитывать еще и то, что действительной обстановки ни на Кубани, ни в задонских степях участники совета в то время еще не знали, и оперативные расчеты приходилось строить не на реальных данных, а на данных гадательных, лишь учитывая возможные последствия того или иного решения.

На предложение генерала Корнилова присоединиться к Добровольческой армии донской походный атаман генерал Попов заявил, что покинуть территорию Дона его отряд не может, и он предпочитает переждать события в районе зимовников, — поселков и хуторов, к которым на зиму сгоняли табуны лошадей и скот, — откуда отряд сможет развивать действия в любом направлении, ожидая пробуждения донского казачества, отрезвления которого следовало ожидать в недалеком будущем. Такое решение генерала Попова, к сожалению, лишало Добровольческую армию, чисто пехотную по составу, столь нужной ей конницы.

Утром 27 февраля Добровольческая армия выступила из ст. Ольгинской, начав свой легендарный Первый Кубанский поход в направлении кубанской

столицы, гор. Екатеринодара.

Внутренне, по силе своего духа, по вере в своего вождя, по решимости идти в неизвестность, с туманной надеждой на соединение с кубанскими добровольцами, ни численности, ни положения которых никто не знал, Добровольческая армия Первого похода являлась, как назвал ее один военный историк, военно-исторической загадкой. Любовь к родине и вера в вождя двигали эту горсть плохо вооруженных людей на беспрецедентный в военной истории поход. Без надежды на помощь, без тыла, без снарядов, Добровольческая армия, высоко подняв знамя Единой, Великой России, пошла против заливавшей страну красной волны навстречу неизвестному будущему. Вряд ли за всю свою военную историю Россия когда-нибудь дала армию, равную по героизму добровольцам Корнилова. Великие потрясения великой страны породили великую по духу горсть героев.

« «

Весной 18 года Северный Кавказ был весь заполнен стихийно демобилизующимися частями развалившегося Кавказского фронта. Вливаясь двумя потоками, по Владикавказской железной дороге через Баку, и морем, из Трапезунда через Новороссийск, они шли частью через Тихорецкую на Царицын, частью же оседали вдоль железнодорожной магистрали. Ростовская и Екатеринодарская пробки не давали свободного выхода этим потокам с их стремлением разъехаться по домам, и они создавали готовые кадры для советских формирований на Северном Кавказе. Наиболее сильной из этих частей была сохранившая свою организацию 39-я пехотная дивизия, осевшая в районе узловых станций Тихорецкая и Кавказская.

17 марта, после горячего боя с красными у станции Выселки и ст. Кореновской, узнав об оставлении Екатеринодара кубанскими добровольцами, генерал Корнилов отказался от движения на кубанскую столицу и повернул армию на юг, на ст. Усть-Лабинскую, рассчитывая перейти там через реку Кубань и дать армии отдых в закубанских черкесских аулах. Но за Кубанью армия попала в сплошное осиное гнездо большевизма — весь этот район оказался занятым красными. Каждая станица и каждый хутор, отдельный дом или роща встречали добровольцев градом пуль. Но где-то тут должны были находиться кубанские добровольцы и, пробиваясь с боями по Закубанью, добровольцы шли, сами того не зная, навстречу кубанцам. 30 марта в ст. Ново-Дмитриевской произошло наконец соединение Добровольческой армии с кубанским правительственным отрядом численностью до 3 тысяч человек.

Там же, в ст. Ново-Дмитриевской, был подписан договор между представителями Добровольческой армии и кубанским правительством, устанавливавший общность задач Добровольческой армии с задачами, поставленными кубанскому правительственному отряду. Договор предусматривал полное подчинение этого отряда генералу Корнилову с правом реорганизовать его, как это будет признано нужным. Переформированная генералом Корниловым армия численностью теперь до 6 тысяч бойцов была сведена в две пехотные и одну конную бригаду под командованием добровольческих генералов. Но это усиление армии было достигнуто дорогой ценой. С точки зрения политической признание общности задач добровольцев и кубанцев как-то связывало Добровольческую армию в будущем, обязывая ее командование выполнять задачи не общероссийской государственной важности, а задачи чисто местного, провинциального характера. Так, например, остается и по сей час

большим вопросом, отвечало ли истинным интересам Добровольческой армии немедленное овладение очень нужным кубанскому правительству Екатеринодаром, обороняемым почти 20-тысячным гарнизоном, что, несмотря на весь героизм добровольцев, вряд ли было им под силу.

10 апреля Добровольческая армия начала штурм Екатеринодара, продолжавшийся три дня, а на четвертый день, 13 апреля утром, генерал Корнилов был убит разорвавшейся в помещении его штаба гранатой. Гибель генерала Корнилова решила участь штурма. Впечатление, произведённое ею на добровольцев и тяжелые потери, понесённые армией, были так велики, что продолжение штурма становилось бессмысленным, и первой задачей нового командующего генерала Деникина было спасти армию от полного уничтожения, выведя ее из района сходящихся к Екатеринодару железных дорог и затем, двигаясь на северо-восток, остановиться у стыка трех областей. Дона, Кубани и Ставропольской губернии, и оттуда в зависимости от остановки начать новую операцию. Стык этот лежал в районе села Лежанка, куда армия и двинулась форсированными маршами.

25 апреля в кубанской станице Успенской были получены сведения о восстании донцов, и генерал Деникин принял решение вести армию снова на Дон. 4 мая, в пасхальную ночь, Добровольческая армия вернулась в донские станицы Егорлыкскую и Мечётинскую.

Первый Кубанский поход, анабазис Добровольческой армии, говорит генерал Деникин, был окончен. Выступив в составе около 4 тысяч человек, армия вернулась численностью до 5 тысяч, пополненная кубанцами, вывезя с собой до 1.500 раненых. Пройдя по основному маршруту 1.050 км., из 80 дней похода армия вела бои 44 дня, почти всегда в тактическом окружении. В кубанских степях она оставила прах погибшего вождя и до 400 могил начальников и воинов. Могила генерала Корнилова, похороненного тайно в степи вместе с полковником Неженцевым, командиром Корниловского полка, была после ухода армии обнаружена большевиками. Оба трупа были выкопаны, затем труп полковника Неженцева был зарыт обратно в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, большевики повезли в Екатеринодар. В городе тело было сброшено на землю, с него была сорвана последняя рубашка и несколько человек пытались подвесить его на дереве, но веревка оборвалась и тело упало на мостовую. Кто-то из начальства приказал увезти труп за город и сжечь его. Превратившийся в бесформенную массу, обезображенную ударами шашек и бросанием на землю труп был уже неузнаваем. Привезённое на городские бойни тело обложили соломой и стали жечь в присутствии высших представителей советской власти, приехавших смотреть на зрелище.

Работу эту не удалось закончить в один день, и жалкие останки продолжали жечь и на следующий день. Жгли и растапывали ногами и потом опять жгли, развеяв затем прах по ветру.

На крутом берегу Кубани, на месте, где испустил последний вздох вождь Добровольческой армии, — написал позже генерал Деникин, — был, после занятия добровольцами Екатеринодара, поставлен скромный деревянный крест. С ним рядом вскоре появился и другой, над могилой жены генерала Корнилова, пережившей мужа всего на шесть месяцев. После ухода белых с Кубани в 1920 году большевики сорвали кресты и затоптали могилу.

Весь «пассив» Первого Кубанского похода меркнет перед теми нематериальными ценностями, которые добровольцы вынесли из этого похода. Вернувшись на Дон, они принесли с собой веру в возможность борьбы, и эту веру они вливали в сердца тех, кто ее потерял. Духовная сила,

которую добровольцы принесли из кубанских степей, создала Добровольческой армии ореол надежды России.

К середине 8 февраля 18 года, сломив сопротивление оренбургских и уральских казаков, а затем Украины и Дона, советская власть освоила почти всю территорию бывшей Российской империи. Оставалась непримиримой в своем желании продолжать борьбу лишь горсть бойцов ушедшей в задонские степи Добровольческой армии, ставшей символом начала борьбы с большевиками в общероссийском масштабе.

Между тем на западе, там, где раньше был фронт, несмотря на полный и окончательный развал старой русской армии, всё еще стояли 36 германских и 8 австрийских дивизий (вместо 134, из которых 90 германских) и нависал грозный призрак австро-германского нашествия. Самое существование советской власти зависело в конечном счете лишь от усмотрения германской Ставки. Начатые еще 2 декабря 17 года в Бресте переговоры немцев с большевиками сначала о перемирии, а затем и о мире, затянулись до 10 февраля 18 года, когда возглавлявший советскую делегацию Троцкий, не соглашаясь на требования немцев, заявил, что Советская Россия не заключает мира, но кончает войну и приступает к демобилизации армии. Если эта оригинальная формула «ни мир, ни война» и ошеломила дипломатов, то она никак не повлияла на решение германской Ставки не допустить воссоздания союзниками в России нового противогерманского фронта и, кроме того, получить в России хлеб и сырье, в которых Германия и Австрия испытывали острую нужду. 18 февраля, воспользовавшись формальным предлогом разрыва переговоров советской делегацией, германские войска перешли в наступление и, не встречая сопротивления, достигли к 4 марта линии Нарва — Псков — Полоцк — Могилев — Гомель.

Занятие немцами Двинска уже в первый день наступления вызвало в Совете народных комиссаров такую тревогу, что, согласившись на предъявленные немцами новые, еще более тяжелые условия, советская делегация подписала 3-го марта по приказу из Москвы, мир, охарактеризованный самим Лениным, как «похабный».

Несколько позже, 28 февраля, германо-австрийские войска начали наступление и на фронте южнее Гомеля, на территории объявившей свою независимость Украины. 1 марта немцы заняли Киев, и действовавшие там советские отряды безудержно покатались на восток, одни — в направлении на Донецкий бассейн и далее на Царицын, другие на Ростов и Тихорецкую. Продолжая свое продвижение, немцы достигли к 7 мая линии Новгород Северский — Белгород — Чертково — Ростов.

Насколько прочной была «союзническая» ориентация Добровольческой армии можно судить хотя бы по тому, что, имея полную возможность это сделать, «нанесение серьезного удара Добровольческой армией из района станиц Кагальницкой и Мечётинской в тыл красных, преграждавших путь немцам на Кавказ, не входило тогда в мои намерения, — написал позже генерал Деникин: — извращенная русская действительность рядила иной раз разбойников и предателей в ризы защитников русской национальной идеи.

Параллельно с немецкими планами использования в своих интересах обстановки, создавшейся в России после захвата власти большевиками, факт оккупации австро-германцами столь значительной части русской территории не мог, конечно, не тревожить союзников, Россия становилась источником снабжения Германии и резервуаром, из которого лились на французский фронт германские дивизии (от выступления генерала Корнилова до октябрьского переворота 7 дивизий, от октября до

заклучения Брестского мира — 30, от Брестского мира до 1 мая 18 года еще 17, а всего 54 дивизии).

Кроме того, и немцами и союзниками не исключалась возможность использования немцами находившихся в России военнопленных (германских 143 тысячи, австрийских 1.900 тысяч) для пополнения личного состава своих армий. Внушала опасения союзникам и судьба баз снабжения русской армии в Мурманске, Архангельске и во Владивостоке. Мировая война еще продолжалась, и ее влияние распространялось и на территорию России, где немцы и союзники, руководствуясь исключительно своими собственными интересами, поддерживали попеременно, а иногда и одновременно, и красных и белых. Так, признав советскую власть и обменявшись дипломатическими представителями, немцы в то же время помогали контрреволюционным Украине и Дону, а в феврале, когда немцы наступали в России, союзники вели переговоры с Троцким об оказании большевикам помощи и одновременно с этим обещали финансовую поддержку Добровольческой армии. Официальная английская миссия, остатки прежнего посольства, готовила интервенцию против большевиков и высадку десантов в Мурманске и Архангельске, а неофициальная миссия английского вице-консула в Москве стоваривалась с большевиками о содействии им в борьбе с немцами. Эта двойственность политики союзников диктовалась им их точкой зрения, что настоящим их противником оставались немцы, а белых и красных русских можно было использовать для образования противогерманского фронта в России.

*

Октябрьский переворот и Брестский мир окончательно развалили старую русскую армию. Из всего ее многомиллионного состава на службе у большевиков осталось около 30 тысяч человек, главным образом латышских частей, матросов, солдат броневых частей и заамурцев. Но уже военные действия против Украины и Дона в конце 17 года и в начале 18-го и в особенности германское наступление и оккупация в феврале 18 года выявили большевикам необходимость организации регулярной армии. Под руководством созданного большевиками Высшего военного совета во главе с Троцким было приступлено прежде всего к упорядочению стихийно создававшихся местных формирований в виде революционных «армий», отрядов и просто банд, переформировывавшихся в организованные соединения. Если формируемая сначала на добровольческих началах, а затем, с июня 18-го года, на принципе обязательной воинской повинности, Красная армия насчитывала в мае 18 года 300 тысяч человек, то уже в начале 19 года ее численность возросла до 1 миллиона, а к концу гражданской войны достигла 3-х миллионов человек. К началу 19 года вооруженные силы Советской России были сведены в 12 армий, состоявших из отдельных пехотных и кавалерийских дивизий.

Учреждение 6 апреля 18 года института политических комиссаров в каждой воинской части позволило советской власти достаточно широко использовать офицеров старой армии (из 200-250 тысяч офицеров на службу в Красную армию было привлечено к 15 августа 20 года около 48 тысяч, то есть 20-20%). Широко распространено мнение о массовом переходе на сторону советской власти офицеров старого Генерального штаба. Несомненно, что известная часть офицеров Генерального штаба оказала красным большую помощь в деле создания регулярной вооруженной силы, но нужно сказать, что из общего числа в 1.400 примерно офицеров Генерального штаба старой армии в Красной армии служило, по данным списка красного Всероссийского главного штаба на 15 мая 20 года, 340 человек, то есть немного меньше 25%.

Нужно также отметить, что наряду с 22 тысячами офицеров старой армии, привлеченных в 18 году на службу в Красную армию, было призвано и 130 тысяч старых унтер-офицеров, которые и послужили настоящим остовом Красной армии.

Занимая до капитуляции Германии в ноябре 18 года почти всю западную часть Донской области, германские оккупационные войска обеспечивали тем самым весь 500-километровый фронт Дона от Азовского моря до границы с Воронежской губернией, на котором донцы могли не держать ни одного казака. Со стороны Задонья Дон прикрывали германские гарнизоны в ст. Аксайской и Ольгинской, и новый выборный Атаман генерал Краснов мог направить все действия восставших донцов исключительно против изгнанных немцами с Украины советских отрядов, еще находившихся в северной части Донской области и упорно стремившихся пробиться к Царицыну. Несмотря на усилия донцов воспрепятствовать этому, красным удалось все же выполнить свой маневр и, покинув Донскую область, усилить царицынскую группировку красных войск и не позволить донцам овладеть Царицыном.

В июле 18 года вся территория Дона была очищена от красных. Все донские ополчения были реорганизованы в регулярные войсковые части и сведены в полки, бригады и дивизии, общей численностью до 50 тысяч человек.

С германскими оккупационными войсками были установлены доброжелательные деловые отношения, и немцы начали снабжать донцов вооружением и боеприпасами из оставшихся на Украине запасов старой русской армии. Часть этого снабжения донской Атаман передавал Добровольческой армии, до тех пор получавшей его ценою крови добровольцев в боях с красными.

« «

В это же время, когда австро-германские войска, продолжая наступление, остановились на избранной их командованием границе оккупации территории России, когда Добровольческая армия, возвратясь в Задонье из своего Первого Кубанского похода, приводила себя в порядок, готовясь к новому походу, а изжившие революционный угар донцы дрались за освобождение своей области от большевиков, на Волге, Урале и в Сибири разгоралась в свою очередь борьба против советской власти. Эшелоны чехословацкого корпуса, сформированного в России после революции и предназначенного к перевозке во Францию, растянулись на огромном протяжении свыше 6 тысяч верст, от Пензы до Владивостока. В мае, по требованию германского посла в Москве Мирбаха Троцкий отдал приказ об их разоружении, сначала частичном, а затем и полном, и о водворении чехов в лагеря для военнопленных. Эта мера советского правительства привела к неожиданным для большевиков последствиям: опасаясь выдачи их большевиками австро-германскому командованию, в глазах которого они являлись изменниками, чехи восстали.

Без какого-либо плана, без руководящих указаний свыше, по инициативе начальников эшелонов, спасая свою свободу и существование, чехи вступили в борьбу с большевиками, захватывая железнодорожные станции, разгоняя местные советы и уничтожая отряды красной гвардии. Повсюду их выступления вызвали местные восстания и организацию добровольческих отрядов, по преимуществу офицерских, придавая тем самым действиям чехов смысл и характер идейного противобольшевистского движения, тогда как в действительности выступление чехов было продиктовано только лишь

стремлением открыть себе путь на восток.

25 мая выступила в Новониколаевске группа чешских войск капитана Гайды, силой около 8 тысяч человек, 26 мая произошло такое же выступление эшелонов группы полковника Войцеховского, офицера русского Генерального штаба, в Челябинске. 28 мая начала наступление, пробиваясь на восток, арьергардная чешская бригада Чечека, силой около 5 тысяч человек, еще находившаяся на правом берегу Волги, и которая 8 июня овладела Самарой.

Выступление чехов застало большевиков во время только что начавшейся организации Красной армии. Имевшиеся в наличии силы их были заняты, действиями на Донском фронте и на демаркационной линии с австро-германцами, почему сопротивление восставшим чехам явилось затруднительным, и к защите советской власти были привлечены добровольцы из числа военнопленных немцев и мадьяр, находившихся на месте.

Первой задачей Чечека, Войцеховского и Гайды было, конечно, скорейшее соединение и установление оперативной связи между тремя их группами, которое и было достигнуто в половине июля, когда стало свободным сквозное железнодорожное сообщение от Волги сначала до Омска, а позже и до Владивостока.

Успех выступления чехов, происшедшего как раз в наиболее критический период на французском фронте, (наступление германцев на 100 клм. фронте Мондидье—Реймс, с 27 мая по 4 июня, в 80 клм. от Парижа. Затем — наступление с 15 июля до 4 августа — вторая Марна), был, конечно, на руку союзному командованию, рассчитывавшему на возможность воссоздания Восточного противогерманского фронта, и в начале июля Верховный военный совет союзников принял решение о союзной интервенции в Сибири. Чехам было приказано повернуть обратно на запад, на Волгу. Подчиняясь этому требованию бригада Чечека перешла в наступление в направлении на Симбирск, а группа полковника Войцеховского на Екатеринбург. Русские добровольческие отряды полковника Каппеля и полковника Махина, оперативно подчиненные Чечеку, действовали первый — еще на западном берегу Волги, продвигаясь на север, а второй захватил Вольск, на Волге, в 120 верстах от Саратова к северу. До Царицына оставалось около 400 верст. Симбирск был занят 21 июля, а 25-го Екатеринбург, где в ночь с 16 на 17 июля были зверски умерщвлены большевиками Император Николай II и вся Царская Семья. Несколькими днями позже в Алапаевске, в 120 клм. сев.-восточнее Екатеринбурга, были убиты Вел. Кн. Сергей Михайлович, Вел. Кн. Елизавета Федоровна и Князь Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи. Между 18 и 28 июля, точно неизвестно, когда именно, в Перми был убит и брат Государя Вел. Князь Михаил Александрович.

После взятия Симбирска, без разрешения или приказа командования, а по инициативе частных начальников, полковника Каппеля и чешского капитана Швеца, неожиданным для большевиков налетом 7 августа была взята Казань. Операция эта, стратегически необоснованная, имела, однако, важные последствия: в Казани был захвачен российский золотой запас — 651 миллион рублей золотом и 110 миллионов кредитными билетами, — поступивший в распоряжение Комитета членов Учредительного собрания, сокращенно «Комуча», сразу же после освобождения Самары объявившего себя Всероссийской верховной властью. Это обстоятельство давало прочную финансовую базу для развития противобольшевистского фронта.

Поражение большевиков в Казани вызвало на нижней Каме многочисленные восстания против советской власти, из которых особое значение имело восстание рабочих Ижевского и Боткинского оружейных заводов, составивших впоследствии доблестные Ижевскую и Боткинскую дивизии в армии адмирала Колчака.

На Саратовском направлении, на фронте протяжением в 100 км. уже с марта месяца вели, прикрывая свою территорию, героическую борьбу против большевиков казачьи войска. Уральское, мобилизовавшее все мужское население от 19 до 55 лет, и Оренбургское, восставшее в мае уже вторично и развернувшее большую часть своих сил на юг, на Актюбинск, против красных, наступавших из Туркестана.

К 1 сентября 18 года создавшийся таким образом Восточный противобольшевистский фронт протянулся от Верхотурья, севернее Екатеринбурга, на Ижевск и Казань и далее по Волге на Симбирск, Сызрань и Вольск. За левым флангом фронта, уступом назад, дрались уральские и оренбургские казаки. Общая численность войск, действовавших на этом фронте против большевиков, достигала 55 тысяч человек, из них 20 тысяч чехов. Против них большевикам удалось сосредоточить к этому времени до 70 тысяч человек, организованных в пять армий.

* *

На юге, в середине мая, когда решался план предстоящей операции Добровольческой армии и от того или иного решения зависела судьба армии и всего Добровольческого движения, перед командованием армии встал вопрос о выборе операционного направления. (Нужно отметить, что в тот момент не было еще ни выступления чехов, ни Волжского фронта). Конечная цель не возбуждала сомнений ни в ком: захват Москвы и свержение советской власти. Но пути, ведущие к достижению этой цели, вызывали известное разномыслие.

Донской Атаман генерал Краснов, руководствуясь, конечно, в первую очередь мотивом устранения угрозы Дону со стороны Царицына, настаивал на немедленном движении Добровольческой армии совместно с донцами на Царицын, который, помимо возможности установления связи с уральцами (с уральск. войсками Штаб Гл-щего находился в постоянных сношениях с начала 19 года. С 15 февраля, сначала через Баку, потом через Петровск на Гурьев мы посылали уральцам деньги, орудия, ружья, патроны, броневики. Первая встреча наших разъездов с уральцами 1 августа 19 г. в районе оз. Эльтон), мог дать добровольцам чисто русскую, независимую от казачьих областей базу, где имелись пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого военного имущества. Можно было также рассчитывать на сочувственное настроение населения Саратовской губернии, в особенности немцев Поволжья, где уже были восстания против большевиков.

Но генерал Деникин решил поставить ближайшей частной задачей армии освобождение Задонья и Кубани. Это свое решение, считающееся некоторыми военными историками крупнейшей СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ошибкой генерала Деникина, командующий Добровольческой армией обосновывал тем, что при враждебной немцам союзнической ориентации Добровольческой армии не исключался риск выдвижения германских оккупационных войск на путь движения добровольцев и следовательно столкновения с ними, что поставило бы армию в трагическое положение: с севера, против Дона, около 60 тысяч красных войск, с юга, на Северном Кавказе 80-100 тысяч красных, с запада немцы, с востока Волга. Освобождение же Задонья и Кубани уничтожало угрозу Дону с юга, давало приток укомплектования армии надежным и воинственным элементом и

открывало путь к Черному морю, обеспечивая связь с союзниками в случае их победы.

Кроме того, Добровольческую армию связывало еще и нравственное обязательство перед кубанцами, пошедшими с добровольцами не только для спасения России, но и для освобождения своих станиц, где вспыхивавшие местные восстания жестоко подавлялись большевиками. При движении на Царицын можно было поэтому опасаться и ухода многих кубанцев из рядов Добровольческой армии, что лишило бы ее своей конницы.

Стратегический план намеченной операции заключался в следующем: овладеть станцией Торговая, на линии Тихорецкая—Царицын, прервав этим железнодорожное сообщение Северного Кавказа с центральной Россией, затем, передав Царицынское направление донцам, повернуть в направлении на Тихорецкую и двинуться на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром Кубани и всего Северного Кавказа.

22 июня 18 года Добровольческая армия силой около 9 тысяч человек выступила в свой второй Кубанский поход и сразу же понесла незаменимую потерю: 25 июня, в бою под ст. Шаблиевкой, был смертельно ранен генерал Марков, легендарный герой, горевший любовью к родине патриот. С этого дня 1-й Офицерский полк Добровольческой армии получил в память своего первого командира наименование «1-й Офицерский генерала Маркова полк».

Ведя тяжелые бои и неся большие потери, Добровольческая армия овладела 16 августа Екатеринодаром, а 25-го Новороссийском. Но это далеко еще не означало освобождения Кубани, так как главные силы красных, не разгромленные, а «выжатые» из западных отделов области, ушли за р. Кубань и за р. Лабу. В дальнейшем, за счет находившихся на Северном Кавказе, в частности на Тереке, солдат бывшего Кавказского фронта силы красных возросли до 150 тысяч человек, причем предшествующие бои не прошли для них даром, они стали более устойчивыми в боях, а их начальники всех степеней прошли в этих же боях прикладную школу обучения военному делу.

К 1 сентября Добровольческая армия силой до 35-40 тысяч человек состояла уже на две трети из кубанцев, что предопределило дальнейшее ее операционное направление для освобождения восточных отделов Кубанской области. Длительные и напряженные бои у Армавира и Ставрополя, начавшиеся в августе, закончились победой добровольцев лишь в середине ноября и стоили армии больших кровавых потерь. Генерал Деникин написал впоследствии, что «в длинной цепи кровавых боев основные части Добровольческой армии, казалось, гибли во второй раз. В полках, прошедших через свои ряды по много тысяч людей, оставалось налицо по 100-150 штыков».

12 ноября под Ставрополем, ведя лично остатки своей дивизии в контратаку, был ранен начальник 3-й дивизии Добровольческой армии полковник Дроздовский, умерший от раны в начале января 19 года. После гибели генерала Маркова армия теряла еще одного такого же героя, бывшего для своих подчиненных олицетворением долга и чести и живым средоточием веры в совершенную правду их борьбы за Россию. По примеру 1-го Офицерского полка, 2-й Офицерский полк стал с этого времени называться «2-м Офицерским генерала Дроздовского полком».

8 октября, после долгой и тяжелой болезни, осложненной тяготами

Первого похода, скончался в возрасте 61 года Основоположник Белого движения и Верховный Руководитель армии генерал Алексеев, чья кончина отозвалась глубокой скорбью в сердцах добровольцев, которым он отдал свои последние силы. Объединив в своем лице власть командования и управления генерал Деникин принял звание Главнокомандующего .

* * *

С окончанием Ставропольского сражения, когда Добровольческая армия кровавыми боями приступала к финальному акту освобождения Северного Кавказа и разгрома 11-й красной армии, совпало событие первостепенной важности: 11 ноября 18 года признавшая себя побежденной Германия приняла условия перемирия, продиктованные ей союзниками. В том, что касалось России союзники потребовали, наряду с другими условиями, очищения австро-германскими войсками оккупированной ими русской территории и отхода на линию границ 1914 года.

23 ноября в Новороссийский порт вошла союзная эскадра из двух миноносцев и двух крейсеров, французского и английского. На них прибыли представители французской Салоникской армии, а несколькими днями позже приехала и английская военная миссия. Большинство союзных военных представителей всецело разделяли психологию бойцов Белого Юга. Так же как и добровольцы, они верили в незыблемость взаимных союзных обязательств, и будущая активная помощь союзников Белому движению не вызывала у них сомнений. Их речи, проникнутые искренней симпатией к оставшимся верными общему делу русским патриотам, так же как и дышавшие широким оптимизмом обещания помощи разносились по всему Югу, по боевым линиям Добровольческой и Донской армий, повсюду подымая дух и волю к продолжению борьбы. Но оторванные от политических настроений в их странах, эти английские и французские офицеры жили еще эмоциями совместной борьбы против общего врага, располагавшей к великодушию. В их словах было больше чувства, чем расчета, а в обещаниях больше личного их убеждения, нежели осведомленности. К сожалению, влияние и вес этих друзей Единой, Великой и Неделимой России были недостаточны, для того чтобы изменить антирусскую политику держав Согласия, политику, которая с первых же дней приняла двойственный и часто противоречивый характер.

Начавшийся после заключения перемирия исход австро-германских войск с оккупированной ими территории западной и южной России снова делал эти области ареной борьбы и прежде всего ставил Войско Донское в чрезвычайно затруднительное положение. Во второй половине ноября германские войска оставили территорию Дона, открыв совершенно Воронежское направление — кратчайший путь к Новочеркаску. Конец ноября и весь декабрь 18 года на всем фронте от Луганска до Царицына, в мороз и зимнюю стужу, поставив в строй всех поголовно казаков, способных носить оружие, изнемогая от потерь и лишений. Дон доблестно отстаивал свое существование против вдвое сильнее врага — 50 тысяч донцов против 100 тысяч красных.

Как только обстановка, создававшаяся в течение Ставропольского сражения, это позволила, генерал Деникин перебросил оттуда в район Юзовки, в Донецком бассейне, 3-ю дивизию Добровольческой армии силой в 2.5 тысячи штыков с задачей прикрытия каменноугольного района и обеспечения левого фланга Донской армии. В январе 19 года на усиление 3-й дивизии туда же была переброшена еще и 1-я дивизия, составившие 2-й

армейский корпус Добровольческой армии под командованием генерала Май-Маевского. Так, в момент, когда еще не было закончено освобождение Северного Кавказа, Добровольческая армия открывала, как выразились бы сейчас, свой второй фронт.

В продолжение двух месяцев генерал Май-Маевский со своими 2,5, а потом 4 мя тысячи штыков с огромным напряжением и упорством едва отбивался от банд Махно, от петлюровцев и от двух регулярных красных дивизий. Но не закончить Северо-Кавказскую свою операцию значило бы свести на нет все огромные усилия, позволить красным вернуться на Кубань, лишит Дон и Добровольческую армию Новороссийска, этого открытого во внешний мир окна. Поэтому после взятия Ставрополя и в продолжение еще двух с половиной месяцев, в тяжелых боях преодолевая упорное сопротивление 75-тысячной 11-й красной армии, 25-тысячная Кавказская группа Добровольческой армии продолжала выполнять поставленную ей задачу окончательного освобождения Северного Кавказа и овладения западным побережьем Каспийского моря.

26 декабря 18 года, осуществляя принцип единого командования генерал Деникин, по соглашению с Атаманом Донского и Кубанского войск, вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими против большевиков на Юге, приняв звание «Главкомандующего Вооруженными силами Юга России». 10 января 19 года командующим Добровольческой армией, которым был до тех пор сам генерал Деникин, был назначен генерал Врангель.

Продвигаясь с боями на восток, к Каспийскому морю, дивизия генерала Улагая овладела 17 декабря 18 г. городом Святой Крест, передовой базой 11-й красной армии. 19 января 19 года пал Георгиевск, 28-го генерал Покровский занял Моздок и 6 февраля Кизляр, откуда была установлена связь с Петровском на Каспийском море, где находился терский отряд генерала Колесникова. 5 февраля генерал Шатилов занял Грозный, а 10 февраля, после ожесточенных уличных боев, продолжавшихся семь дней, дивизия генерала Шкуро и пластунская бригада генерала Геймана овладели Владикавказом. В последующие дни происходила только ликвидация остатков 11-й и 12-й красных армий, рассеявшихся между Владикавказом и Грозным.

Северо-Кавказская операция Добровольческой армии закончилась. В пределах Северного Кавказа не оставалось ни одной организованной красной воинской части. Командующий красным Каспийско-Кавказским фронтом Свечников докладывал телеграммой Главковерху Вацетису, что из 124 тысяч, составлявших войска фронта на 20 октября 18 года, отступило через Кизляр к Астрахани 15 тысяч, к Эллисте 10 тысяч и прибыло в Астрахань до 10 тысяч раненых и больных. Во время отступления красными было оставлено до 50 тысяч раненых и больных сыпным тифом и около 30 тысяч погибло в боях и рассеялось в предгорьях Кавказа.

К середине февраля 19 года Кавказская Добровольческая армия, имея обеспеченный и относительно замиренный тыл, получила наконец возможность повернуть на север для выполнения основной задачи.

* *

В то время как на Юге России шла борьба донцов за свое существование и Добровольческой армии за освобождение Северного Кавказа, в освобожденных областях Поволжья, Уральского горнозаводского района, Сибири и Дальнего Востока происходили крупные события политического характера. После успешного выступления чехословаков, поддержанного тайными офицерскими организациями, в этих областях создавалось самотеком, и под разными названиями, несколько

местных правительств, из которых одно. Самарское (сокращенно «Комуч»), составленное из членов Учредительного собрания, бесславно разогнанного большевиками в январе 18 года, претендовало на политическое возглавление начавшейся борьбы. Общим почти у всех этих правительств было, пожалуй, то, что большинство их членов принадлежали к партии социалистов-революционеров (сокращенно «эсеров»), доказавшей в течение 17 года свою полную неспособность подняться в управлении страной и, в частности вооруженными силами, выше партийных интересов, а их антибольшевизм вдохновлялся не только соображениями воссоздания Единой Великодержавной России, сколько обидой на большевиков, не пожелавших разделить с ними власть.

Между этими правительствами происходили долгие переговоры и совещания о необходимости осуществления единого военного командования и единой Всероссийской верховной власти. Одни, как, например, Комуч, требовали признания такую властью избранное в 17 году Учредительное собрание (в котором партия эсеров имела подавляющее большинство), а до возможности созвать его снова, считать такой властью так называемый Съезд наличных членов этого Учредительного собрания, то есть фактически тот же самый Комуч; другие, как правительство Сибирское и представители казачьих войск Азиатской России, настаивали на создании Верховной власти в виде нового Временного правительства, совершенно независимого от старого Учредительного собрания.

Пока шли эти переговоры и совещания, красное командование не оставалось пассивным, и на Восточный фронт были направлены все войска, которым удалось уже придать более или менее регулярные формы. В начале сентября красные перешли в наступление на Приволжском участке фронта и 8 сентября овладели Казанью, 12-го ими были заняты Симбирск и Вольск. На всем Волжском фронте в руках чехов и добровольцев полковника Каппеля, измученных непрерывными походами и боями, оставались лишь Самара и Сызрань.

Под влиянием этих неудач собравшиеся в Уфе представители освобожденных областей и представители политических партий, главным образом социалистических всех мастей (из 200 человек собравшихся больше половины было эсеров) пошли на взаимные уступки и постановили избрать пятичленную Директорию, которая и должна была представлять собой Временное всероссийское правительство до возможности вторичного созыва старого Учредительного собрания, хотя бы в числе 170 его членов (из общего числа 808)

Членами Директории, сразу же объявившей себя Всероссийской Верховной властью, были избраны два эсера, один близкий к ним беспартийный, один кадет и еще один беспартийный. Верховное главнокомандование всеми (???) российскими вооруженными силами было возложено на вошедшего в состав Директории мало кому известного генерал-лейтенанта Болдырева, при заместителе его... генерале Алексееве, у которого даже не запросили его согласия.

Извещенные о принятии на себя Директорией всей полноты Верховной государственной власти на всем пространстве государства Российского генерал Деникин, так же как и все новообразования Юга, отказались признать Директорию Всероссийской властью «как направляемую Учредительным собранием первого созыва, возникшим в дни народного помешательства и не пользующимся в стране ни малейшим нравственным авторитетом».

Под возобновившимся нажимом все усиливающихся и

организовывавшихся пяти красных армий Поволжский фронт отходил с боями на восток, в предгорья Урала. Чехословаки начали проявлять явные признаки нежелания воевать, а добровольцы полковника Каппеля, единственные обученные и испытанные части так называемой «Народной» армии Самарского Комуча, были слишком малочисленны, чтобы заменить нежелавших воевать чехов. В начале октября красные заняли Сызрань и Самару, 7-го ноября пал Ижевск и к середине ноября большевики подошли на 150-180 км. к Уфе и Оренбургу.

Обнаружившееся, в течение ближайших недель после ее избрания, бессилие Директории изменить к лучшему создавшуюся обстановку и ясно определившееся стремление возглавления партии эсеров влиять на политику Директории через посредство вошедших в ее состав членов партии, лишало Директорию всякого морального авторитета, особенно в сибирском казачестве. Изданная 22 октября ЦК партии эсеров прокламация, призывавшая к мобилизации и вооружению членов партии для борьбы против якобы контрреволюционного засилия в Омске, вызвала резкую реакцию наиболее активно настроенных противобольшевистских элементов, и 18 ноября в Омске, по инициативе группы сибирских казачьих офицеров, решивших положить конец разлагающей работе эсеров, власть полусоциалистической Директории была свергнута, и сменившее ее новое правительство, уже без участия социалистов, постановило передать временное осуществление всей полноты государственной власти, военной и гражданской, адмиралу Колчаку, вступившему в Верховное командование всеми сухопутными и морскими силами России.

Через несколько дней после принятия на себя звания Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего, в беседе с представителями печати адмирал Колчак изложил мотивы, побудившие его принять возложенное на него трудное и ответственное бремя власти так же как и цели, к которым он намерен стремиться.

Наиболее характерной чертой программы адмирала Колчака был ее «военный» характер: довести борьбу против большевиков до победного конца и восстановить в стране законность и порядок. Решение же всех основных государственных и социальных вопросов отложить до созыва Национального Собрания, где народ сам установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России (адмирал Колчак намеренно избегал употребления термина «Учредительное собрание», чтобы дать понять, что речь идет не об Учредительном собрании, избранном в 1917 году).

Устанавливая в первую очередь примат борьбы с большевиками до полной победы путем создания боеспособной армии и организованного тыла, без политики, без вмешательства комиссаров и комитетов, программа адмирала Колчака носила отчетливый характер непредрешистства относительно будущего образа правления в стране и решения основных вопросов политических и социальных, совпадая в этом отношении с «Быховской программой» генерала Корнилова и всеми последующими программными выступлениями генерала Деникина, сделанными им от лица Добровольческой армии.

Эта тождественность, дающая основание называть оформившееся в ноябре 1918 года в Западной Сибири противобольшевистское движение «белым», идейно связанным с Белым движением, возникшим на Юге России

годом раньше, получила полное свое подтверждение в июне 19 года, выразившееся в приказе генерала Деникина о своем подчинении адмиралу Колчаку как Верховному Правителю Русского государства и Верховному Главнокомандующему Русской армией.

К лету и осени 1918 года относится также и возникновение двух других противобольшевистских фронтов. Северного и Северо-Западного, первого — по инициативе союзников, главным образом англичан, и второго, Северо-Западного, обязанного своим зарождением германским оккупационным властям.

Наряду с оккупацией весной 18 года прибалтийских провинций, Украины и Донецкого бассейна, германское командование приняло решение расширить оккупацию и на крайних своих флангах, решение диктовавшееся уже чисто военными соображениями. Оккупация Крыма имела целью нейтрализовать Черноморский флот, кстати сказать — не признавший Брестского мирного договора, а оккупация Финляндии имела в виду, во-первых, оказание помощи генералу Маннергейму в его борьбе с финляндской красной гвардией и, во-вторых, создание исходной позиции для угрозы Петрограду и Мурманской железной дороге, по которой шло выгруженное союзниками в Мурманске снабжение для русской армии. Для осуществления этих двух задач в Финляндию была направлена сводная дивизия генерала фон-дер-Гольца из трех спешенных кавалерийских полков, трех егерских батальонов и нескольких батарей, дивизия, которая совместно с противобольшевистскими отрядами генерала Маннергейма вскоре и очистила Финляндию от ее большевиков.

Присутствие германских войск в Финляндии вызвало немедленную реакцию союзников, главным образом англичан, опасавшихся захвата северных русских морских баз германцами. 9 марта 18 года в Мурманске был высажен первый английский десант, вслед за которым последовала в июне высадка английских, французских и американских войск общей численностью до 10 тысяч человек, продвинувшихся к югу, вдоль Мурманской железной дороги, на 600 верст до ст. Сороки где их продвижение остановилось.

2 августа общесоюзный десант численностью в 12-15 тысяч человек высадился в поспешно брошенном большевиками Архангельске, где за несколько дней до этого советская власть уже была свергнута и было образовано так называемое Северное русское правительство. Командующий высаженными войсками английский генерал Пуль поручил русским офицерам приступить к организации русской вооруженной силы, основанием для которой послужили местные добровольческие офицерские команды и крестьянские противобольшевистские партизанские отряды, общей численностью до 3 тысяч человек. К концу 18 года эти русские формирования, постепенно возросшие до 7-8 тысяч человек, подчинялись в административном и организационном отношении русскому «командующему войсками» (сначала капитану 2-го ранга Чаплину, затем полковнику Дурову, а после него генералу Марушевскому), у которого не было даже своих оперативных органов. Фактическое же командование, боевое управление и снабжение русских войск англичане держали в своих руках.

Цели занятия союзниками Мурманска и Архангельска определялись ими разнно. Послы союзных держав, переехавшие в июне из Вологды в

Архангельск, объясняли действия союзных войск необходимостью охраны богатств края от захватнических стремлений германцев, военное же командование говорило о защите интересов союзников, нарушенных присутствием германских войск в Финляндии и также о содействии русскому командованию в организации русской вооруженной силы для борьбы с большевиками.

Вообще же говоря. Северный противобольшевистский фронт в силу своей отдаленности от центра страны и трудности сообщений был во все время своего существования театром второстепенным, не вызывая особенных надежд у противников большевиков, ни особенных опасений у Москвы. Безлюдие края и недостаток офицеров для замещения командных должностей исключали возможность крупных русских формирований (на весь «фронт» имелось всего лишь три офицера Генерального штаба). Участие союзных войск в военных действиях придавало известную солидность политической базе фронта, но самый факт присылки этих войск в такую даль и глушь, в то время когда они могли бы принять участие, при желании союзных правительств, в борьбе против большевиков, базируясь, например, на Ревель, находящийся в нескольких днях морского пути от Англии и всего лишь в 350 км. от Петрограда, не свидетельствует о серьезности наступательных стремлений союзников.

Отдельные сборные отряды союзных войск, английских, американских и французских, силой от двух до десяти рот пехоты, а всего около 35-40 рот, общей численностью в 5-6 тысяч человек, постепенно продвигаясь от Архангельска по направлению на Вологду и на Котлас, заняли, не встречая большого сопротивления частей 6-й красной армии, все подходы к Архангельску по долинам рек Онеги, Емцы, Ваги, Пинеги и Северной Двины, являющихся единственно возможными путями сообщения в этом районе, так же как и у станции Плесецкой на линии железной дороги Архангельск — Вологда.

Эти отдельные группы, разбросанные на более чем 1000-верстном фронте, от Пинеги и до Онеги, являлись как бы охранением, под прикрытием которого должны были формироваться русские национальные воинские части.

Кроме офицерских добровольческих отрядов и некоторых стойких частей, дело таких формирований из мобилизованных подвигалось медленно. Объявленная правительством мобилизация дала вместо ожидавшихся 25 тысяч человек всего лишь 4 тысячи, большей частью из бывших солдат, не изживших еще революционных настроений и прошедших уже школу разложения в 17 году. Знакомые с комитетами и советами, эти мобилизованные представляли собой весьма нетвердый политически элемент, настроенный против офицеров и против введения в войсках старой дисциплины, настолько, что находившиеся на севере офицеры, призываемые правительством стать в ряды создаваемой русской армии, предпочитали идти выполнять свой долг рядовыми солдатами в части французского и английского иностранных легионов, чем быть офицерами в русских войсках с нездоровыми моральными условиями лета 17 года. Стойкими и непримиримыми врагами большевиков оказались партизанские отряды из крестьян, но партизанское движение носило узко местный характер. Крестьяне дрались до последнего, защищая свои дома и деревни, но с неохотой шли в создаваемые регулярные части.

Военные действия на фронте сводились к мелким операциям в масштабе не свыше роты или батальона в обеих сторон, предпринимаемым за овладение каким-нибудь населенным пунктом.

В апреле 19 года Северное правительство официально объявило о своем признании власти адмирала Колчака, и в эти же дни появились тревожные

признаки, дававшие повод к мрачным предположениям. Прежде всего из Архангельска начали уезжать представители союзных дипломатических миссий, а в июле, согласно с общей переменной курса английской политики, был решен окончательно вопрос об эвакуации союзниками Северной области, закончившейся к концу сентября 19 года. Во главе Северного фронта, уже чисто русского, стал тогда прибывший на север генерал Миллер, отвергший предложение союзников, сделанное через генерала Айронсайда, эвакуировать и русские войска.

Конец 19 и начало 20 года прошли в боевых действиях, зачастую успешных для войск генерала Миллера, но имевших все то же прежнее местное значение. Уход союзников не мог не отразиться подавляюще на духе войск; а большевистская пропаганда подтачивала силы армии и вызвала ряд военных мятежей. В феврале 20 года, покончив с Западным и Восточными фронтами, и отбросив Южный за Дон, красное командование двинуло свою 6-ую армию, подкрепленную бригадой пехоты, в наступление, успех которого был быстр и решителен. Наступление большевиков началось 4 февраля, а уже 18-го покинули Архангельск последние корабли под Андреевским флагом.

* * *

Чрезвычайно сложная и запутанная обстановка в Финляндии и в прибалтийских провинциях, создавшаяся после захвата власти большевиками в Петрограде и в Москве, не способствовала созданию на Северо-Западе единого и прочного русского противобольшевистского фронта, Германская оккупация, а затем, после ухода германских войск, русофобские настроения в прибалтийских государственных новообразованиях и противоречивая политика прибывших после заключения перемирия представителей союзных держав, влияния французское в Финляндии, английское в Эстонии и северной Латвии и даже, несмотря на понесенное поражение, германское в южной Латвии и Литве, так же впрочем как инертность местного населения и отсутствие популярных и авторитетных военных вождей лишали возможные противобольшевистские начинания необходимых средств и духовного подъема.

Начав свое формирование в октябре 18 года в Пскове с благословения германских оккупационных властей, так называемая Северная русская армия, достигнув численности в 4-5 тысяч человек, не получила дальнейшего развития, и после ухода немцев, вошла под наименованием Северного корпуса в состав создавшейся в это время эстонской армии, с условием, поставленным эстонцами, не превышать численности в 3.5 тысячи человек. В мае-июне 19 года Корпус принял участие в неудачном наступлении двух эстонских дивизий на Петроград. В объявившей свою независимость Латвии при сильной германской добровольческой группе генерала фон-дер-Гольца собирался русский отряд князя Ливена, преимущественно из офицеров, к январю 19 года представлявший из себя одну лишь роту. В Литве, оккупированной 7-тысячным отрядом германских добровольцев Пфейфера, дрались с большевиками под общим польским командованием несколько мелких русских партизанских отрядов.

Между тем стратегическое значение Северо-Западного противобольшевистского фронта было чрезвычайно велико. Близость Петрограда, удобство морских сообщений с союзниками, богатые склады русских и немецких боевых припасов в прифронтовой полосе бывшего театра мировой войны и возможность пополнения противобольшевистской русской армии русскими военнопленными,

находившимися в Германии и Австрии, все эти положительные данные побудили русские организации, частные и общественные, попытаться привлечь внимание союзных правительств к вопросу создания русской противобольшевистской вооруженной силы под командованием бывшего командующего Кавказской армией генерала Юденича, находившегося в Финляндии. В январе 19 года генерал Юденич послал адмиралу Колчаку телеграмму, прося поддержки в его переговорах с союзниками по этому вопросу.

В середине июня 19 года последовало утверждение Верховным Правителем адмиралом Колчаком генерала Юденича в звании главнокомандующего Северо-Западным фронтом, и признанный таковым и союзниками, генерал Юденич переехал со своим штабом в Эстонию и затем в Нарву, где вступил в командование Северо-Западной русской армией численностью в 12-13 тысяч человек, к которой присоединился и прибывший из Латвии отряд князя Ливена.

Не получая до августа 19 года, несмотря на обещания, никакой помощи от союзников, армия была лишена самого необходимого и снабжалась исключительно тем, что брала с боя у 7-й красной армии, прикрывавшей направление на Петроград. Взаимоотношения армии с Эстонией, являвшейся практически ее тыловым районом, носили характер полной неопределенности. Эстонцы требовали от генерала Юденича полного и безоговорочного признания независимости Эстонии, в то время как даже сам Клемансо, французский первый министр, в официальном письме к адмиралу Колчаку от имени союзников от 14 мая 19 года ставил условием поддержки Верховного Правителя признание им независимости только Финляндии и Польши и лишь автономии всех других новообразований впредь до окончательного решения русского Учредительного собрания, что было и позицией адмирала Колчака.

Кроме вопроса о признании генералом Юденичем независимости Эстонии, было и еще одно обстоятельство, объяснявшее отсутствие дружественного отношения эстонцев к армии генерала Юденича, а именно то, что уже с августа 19 года Эстония вела с большевиками переговоры о заключении мира, что исключало, конечно, возможность поддержки противобольшевистской вооруженной силы.

Такая неопределенность позиции Эстонии, кстати сказать отгородившейся от расположения русской армии, находившейся на русской территории, густым проволочным заграждением вдоль этнографической своей границы, и также настойчивые требования, исходившие от англичан, обещавших генералу Юденичу содействие английского флота, побудили Северо-Западное командование предпринять вторую операцию на Петроград. Наступление войск генерала Юденича, начавшееся в конце сентября и успешно развивавшееся, привело к занятию ими Гатчины, Павловска, Царского Села и многим уже казалось, что близится овладение и Петроградом.

Красное командование с большой энергией и поспешностью стягивало отовсюду подкрепления и, в частности, ослабив совершенно свой фронт против бездействовавших латышей, создало на главном направлении более чем двойное превосходство в силах: против 17 тысяч человек при 57 орудиях, числившихся в Северо-Западной армии к началу операции, красным удалось сосредоточить 43 тысячи бойцов при 490 орудиях. 23-25 октября в боевом счастье наступил резкий перелом, главными причинами которого были несоразмерность сил и средств, пассивность эстонцев и отсутствие обещанной действительной поддержки английского флота, спутавшей весь план операции. Под концентрическими ударами с северо-запада и с юга,

Северо-Западная армия начала отход с боями, и к половине ноября вернулась в исходное перед наступлением положение к реке Нарове.

В дальнейшем армию ждало позорное разоружение и интернирование в эстонских концентрационных лагерях, физические лишения и моральные издевательства.

* * *

На Юге закончившееся освобождение Северного Кавказа ставило вопрос о выборе следующего операционного направления войск Кавказской Добровольческой армии. Еще до окончания Северо-Кавказской операции штаб Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России намечал переброску в ближайшем будущем сил Кавказской Добровольческой армии на Царицынское направление, имея целью захват Царицына и Астрахани и последующее соединение с армией адмирала Колчака.

Эта операция, в связи с наступлением на Харьковском и Воронежском направлениях, должна была вылиться в общее наступление к центру России. Но ко времени, когда явилась возможность начать намеченную переброску, обстановка на Донском фронте коренным образом изменилась. Расстроенная тяжелыми боями в ноябре и декабре 18 года против 8-й и 9-й красных армий все время усиливавшихся переброской дивизий с Восточного фронта и новыми формированиями из тыловых районов, Донская армия находилась в полном отступлении, в то время как красные наступали почти безостановочно в направлении на Новочеркасск.

На крайнем левом фланге Донской армии малочисленный, но состоявший из старых испытанных Добровольческих полков отряд генерала Май-Маевского, непрестанно маневрируя, то наступая, то отходя, с трудом сдерживая численно превосходящие красные дивизии правого фланга Южного и левого Украинских фронтов, имевшие задачей овладение Донецким бассейном, этим важнейшим центром хозяйственной жизни страны.

Перед главным командованием Вооруженных сил Юга России встал вопрос, оставить ли в силе первоначально намеченный план операции и направить главные усилия на взятие Царицына, но тем самым бросить на произвол судьбы Дон и оставить большевикам Донецкий бассейн, или же, не оставляя Царицынского направления, сохранить во что бы то ни стало каменноугольный бассейн, этот важнейший плацдарм для будущего наступления на Москву, и не дать погибнуть Дону.

Генерал Деникин остановился на втором решении и с февраля потянулись с Северного Кавказа на Дон кубанские и терские дивизии Кавказской Добровольческой армии.

С конца февраля началось жестокое сражение. Прибытие помощи показало решительное влияние на дух потерявшей было сердце Донской армии. Несколько раз переходившие в наступление красные армии, даже имея первоначальный успех, неизменно отбрасывались в исходное положение пехотой и бронепоездами добровольцев Май-Маевского и кубанцами Шкуро в Донецком бассейне, донцами Коновалова и кубанцами Покровского у Луганска, донцами Калинина и Семилетова у Каменской и Усть-Белокалитвенской, которые в бесчисленных конных атаках, неся тяжелые потери, наносили противнику еще большие, расстраивая его морально и наводя панику в его ближайших тылах. Большую роль сыграло также и отвлечение части сил красных для подавления восстания в тылу 9-й красной армии казаков Верхне-Донского округа, бросивших в начале 19

года фронт и разошедшихся по станицам. Эти казаки снова взялись за оружие и к апрелю их численность достигала 30 тысяч человек с 6 орудиями. У восставших не хватало оружия и патронов, но было зато мужество отчаяния.

В конце апреля обозначилась серьезная угроза вдоль железнодорожной линии Царицын—Тихорецкая: перейдя в наступление 10-я красная армия отбросила находившиеся перед ней слабые заслоны донцов и сборного отряда генерала Кутепова, форсировала реку Маныч в нижнем ее течении и оказалась всего в одном переходе от Новочеркасска. Для парирования этой угрозы здесь была спешно сосредоточена группа войск под командованием генерала Врангеля из 7½ конных и одной пехотной дивизии. Заставив красных перейти обратно за реку Маныч, группа генерала Врангеля в трехдневном бою под ст. Великокняжеской взяла более 15 тысяч пленных и 55 орудий, и расстроенная и деморализованная 10-я красная армия поспешно отступила на Царицын, преследуемая всеми войсками Манычского фронта, получившими название «Кавказской армии» с командующим армией генералом Врангелем. Войска бывшей Кавказской Добровольческой армии, дравшиеся теперь в Донском бассейне, были наименованы «Добровольческой армией» во главе с генералом Май-Маевским.

Начало мая было резким поворотным моментом в судьбах Вооруженных сил Юга России. Большевистский фронт дрогнул, и все белые армии Юга, от Каспийского моря до Донца и от Донца до Черного моря, были двинуты в наступление. Группа войск Северного Кавказа (генерал Эрдели) выделила отряд для движения на Астрахань, Кавказская армия генерала Врангеля получила задачу овладеть Царицыном, Донской армии (генерал Сидорин) было приказано очистить от красных северную часть Донской области и, войдя в связь с восставшими казаками Верхне-Донского округа, отрезать Царицын от Поворина, прервав таким образом железнодорожное сообщение между Царицыным и центром страны. Добровольческая армия генерала Май-Маевского получила задачу наступать на Харьков, а 3-му армейскому корпусу генерала Шиллинга, выйдя с Акманайских позиций, взаимодействовать с особым отрядом Добровольческой армии, направленным к Крымским перешейкам.

30 июня Кавказская армия заняла Царицын, 28 июля овладела Камышином, и передовые ее части подходили на 80 верст к Саратову. Донская армия, выйдя в июне из пределов Донской области, вела с переменным успехом бои на фронте Балашов—Поворино—Лиски—Новый Оскол. Добровольческая армия 25 июня заняла Харьков, 29-го генерал Шкуро овладел Екатеринославом, и к 1 июля закончил очищение от большевиков Крыма генерал Шиллинг.

Разгром противника на фронте Добровольческой армии был полный. В приказе Троцкого от 19 июня говорилось:

«армия находится в состоянии полного упадка. Боеспособность частей пала до последней степени. Случаи бессмысленной паники наблюдаются на каждом шагу...».

Только отряд войск Северного Кавказа, направленный на Астрахань, не имел успеха и, подойдя к Астрахани на 50 верст, был остановлен красными. Наступление на этом участке фронта не получило развития и операция понемногу замирала.

3 июля, в только что занятом Царицыне генерал Деникин отдал армиям директиву:

«Имея конечной целью захват сердца России — Москвы —

приказываю...» далее указывались направления движения армий, причем назывались такие пункты как Саратов, Пенза, Нижний Новгород и Владимир — для Кавказской армии, Воронеж, Козлов и Рязань для Донской. Задачей Добровольческой армии ставилось наступление на Москву через Курск, Орел и Тулу, обеспечивая себя с запада занятием Киева и всех других переправ через Днепр и Десну от Екатеринослава до Брянска (на Десне).

Директива эта, получившая в военных кругах название «Московской», потом, в дни неудач Белых армий Юга, осуждалась за чрезмерный якобы оптимизм. Но ее оптимизм покоился на реальной почве: еще никогда до тех пор советская власть не была в более тяжелом положении и не испытывала большей тревоги. Обстановка представлялась советским властям, не исключая самого Ленина, критической, и в народные массы был брошен призыв: **«Все — на борьбу с Деникиным!»**.

После весенних поражений красное командование напрягало все усилия, чтобы восстановить свой Южный фронт. Был смещен ряд неудачливых начальников, начиная с главнокомандующего Вацетиса, которого сменил бывший полковник Генерального штаба Каменев, революционные трибуналы, заградительные и карательные отряды применяли жестокий террор для внедрения в войска дисциплины, новые мобилизации 18-45-летних возрастов усилили приток пополнений, доведя численность Красной армии до 2½ миллионов человек, армии Южного фронта были усилены 9½ новыми дивизиями, переброшенными с Восточного и Западного фронтов. Этими мерами красному командованию удалось довести численность своих южных армий до 180 тысяч человек при 700 орудиях и предпринять в половине августа две контрнаступательные операции, одну в направлении на Царицын, и другую на Харьков, с дальнейшим продвижением через Донецкий бассейн на Таганрог.

Если 10-й красной армии удалось к сентябрю оттеснить малочисленную Кавказскую армию к Царицыну, где ее наступление было остановлено, то удар по Харькову окончился полной неудачей, и Добровольческая армия преследовала отступавшие части 8-й, 13-й и 14-й красных армий с огромным порывом, неудержимо продвигаясь на Воронеж, Курск и к Десне. На всем фронте добровольцы генерала Май-Маевского захватывали тысячи пленных и большие трофеи, и намеченный удар по Харькову завершился для красных полным поражением.

30 августа войска генерала Бредова вошли в Киев, 20 сентября корпус генерала Кутепова овладел Курском, 30 сентября генерал Шкуро занял Воронеж, 14 октября Корниловцы, заняв Орел, продолжали движение на Тулу, а 5-й кавалерийский корпус генерала Юзефовича занял Новгород-Северский.

К половине октября фронт Вооруженных сил Юга протянулся от Астрахани на Царицын—Воронеж, Орел и Киев, противопоставив всего 98 тысяч человек 140-160 тысячам красных.

* *

После неудачи августовского наступления на Харьков и обозначившейся угрозы уже центральным районам страны красное командование разработало план новой операции, имевшей целью уничтожение ядра Добровольческой армии — 1-го армейского корпуса генерала Кутепова, наступавшего по трем основным направлениям: Дроздовской дивизией на Брянск, Корниловской на Орел и Марковской на Елец. 22 сентября новый главковерх Каменев отдал директиву о переброске на Южный фронт

наиболее крепкой и надежной 9-полковой латышской дивизии, отдельной стрелковой бригады из трех полков и кавалерийской бригады «червоного казачества», составивших ударную группу Южного фронта, получившую задачу во взаимодействии с частями 14-й и 13-й красных армий выйти на железнодорожную линию Орел—Курск, нанося удар в левый фланг корпусу генерала Кутепова. Одновременно с наступлением ударной группы конный корпус Буденного, сосредоточенный восточнее Воронежа, должен был действовать против правого фланга и в тыл войск генерала Кутепова продвижением на ст. Касторная и на Курск.

Группировка сил противника и вероятные направления его действий не были секретом для командования Вооруженных сил Юга России, как говорит в своих «Очерках русской смуты» генерал Деникин. Но ввиду отсутствия стратегических резервов, занятых в тылу борьбой с бандами Махно, парировать занесенные над Добровольческой армией удары можно было только соответствующей перегруппировкой войск на самом фронте. Генерал Деникин приказал поэтому командующему Донской армией генералу Сидорину перейти к обороне в центре и на правом фланге своего фронта, сосредоточив к левому, угрожаемому флангу сильную группу войск, преимущественно конницы. Как выяснилось впоследствии эта группа оказалась слишком слабой, чтобы противодействовать наступлению конницы Буденного.

С половины октября на всем фронте от Чернигова до устья р. Хопра красные перешли в наступление, и началось сражение, которому было суждено решить участь всей кампании. Ведя непрекращающиеся кровавые бои и успев нанести ударной группе, так же как и наступавшим с фронта частям 13-й красной армии ряд поражений, войска генерала Кутепова были вынуждены выходом конного корпуса Буденного к Касторной, оставить Орел и Курск. В дальнейшем, уже изнуренные боями в наступлении от Донецкого бассейна до Орла, понеся большие потери и не получая пополнений, Добровольческая армия медленно отходила на юг имея против себя, по данным штаба армии, до 25 тысяч штыков 8-й и 9-й красных армий и 10-12 тысяч сабель 1-й конной армии Буденного, получившей задачу не допустить отхода Добровольческой армии на Дон.

Так, параллельно преследуемая красной конницей, отходила, увозя с собой своих раненых, горсть добровольцев, выбившихся из сил многовёрстным отступлением, жестокими непрерывными боями и всевозможными лишениями. Артиллерия и обозы увязали в невылазной грязи и в снегу, люди сутками не спали и не ели, однако, руководимые железной рукой генерала Кутепова, сохранили свой прежний высокий дух.

Один за другим оставались города, освобожденные во время летнего наступления добровольцев. Были отданы Полтава, Харьков, Екатеринослав и другие, восторженно встречавшие белых.

«Народ встречал их с радостью, на коленях, а провожал с проклятиями» так часто формулируют приговор над Белым прошлым, — говорит генерал Деникин в «Очерках» и продолжает:

«С проклятиями! Да не потому ли, что мы, побежденные, уходили, оставляя народ лицом к лицу с советской властью? Ведь следовавшие за нами большевики не вносили умиротворения, их правление было жестоким, их совдепы, чека и другие власти не были гуманнее и справедливее «буржуазно-помещичьих губернаторов», суды большевистские были незаконны, народу при большевиках не становилось ни легче, ни сытнее;

наконец, красная армия приносила гораздо большее разорение, чем белая...

7 и 8 января 1920 года были оставлены Новочеркасск и Ростов. Донская армия и 10-тысячный отдельный Добровольческий корпус, в который были сведены поредевшие части Добровольческой армии, под командованием генерала Кутепова, старшего добровольца, перешли на левый берег Дона. Кавказская армия, оставив Царицын, сосредоточилась на линии реки Сал.

* * *

8 начале декабря 19 года, после оставления Киева, войска Киевской области и действовавшая на правом берегу Днепра Новороссийская группа войск были объединены под командованием генерала Шиллинга и отходили, ведя бои с повстанческими бандами и с частями 12-й, а потом и 14-й красных армий. Задача, поставленная генералу Шиллингу, прикрыть Новороссию и главным образом Крым, оказалась непосильной для его войск ни по их численности, ни по моральному их состоянию, подавленному неудачами на главном, Кубанском театре. Длительное почти два месяца отступление привело эти войска, кроме группы генерала Слащева, удерживавшего Крымские перешейки, к берегам Черного моря. Генерал Шиллинг отдал директиву — полевым войскам под начальством генерала Бредова, минуя Одессу, отходить на Бессарабию, а прикрытия эвакуации Одессы было возложено на отряд генерала Стесселя и на государственную стражу. Английское морское командование дало гарантию, что части эти будут вывезены на английских военных судах в последний момент.

7 февраля большевики вошли в Одессу и отступавшие к пристани под пулеметным огнем отряды собрались на молу, но только часть людей попала на английские суда, другая часть, перейдя в наступление, прорвалась через город, направляясь к Днестру, третья погибла.

Войска генерала Бредова, подойдя к Днестру, были встречены румынскими пулеметами. Генерал Бредов повернул на север и, продвигаясь с боем вдоль Днестра, пробился на соединение с поляками. В деревне Солодковцах, между Каменец-Подольском и Проскуровым, между делегатами главного польского командования и генералом Бредовым был заключен договор о принятии его войск, с находившимися при них семьями, на территорию, занятую польскими войсками, до возвращения их на территорию, занятую войсками генерала Деникина. Оружие, военное имущество и обозы польское командование «принимало на хранение» впредь до оставления частями генерала Бредова польских пределов, где их ждали разоружение, концентрационные лагеря с колючей проволокой, скорбные дни и национальное унижение.

* * *

Между тем положение Восточного белого фронта ко времени вступления в Верховное командование адмирала Колчака в ноябре 18 года было весьма тяжелым. Под ударами пяти советских армий продолжалось отступление от Волги к Уралу. Пали Уральск и Оренбург, только на северном участке фронта, в Сибирской армии генерала Гайды дела шли удачно: перейдя в наступление в конце декабря она овладела Пермью (Молотов). В январе-феврале 19 года наступили жестокие морозы, и боевые действия замерли. Армии обеих сторон остановились на линии, которую с грубым приближением можно провести через Пермь—Уфу—Оренбург—Уральск. В конце февраля 19 года центральная, Западная армия генерала Ханжина нанесла 5-й красной армии поражение настолько сильное, что та обратилась в паническое бегство, и на плечах бегущих красных, проходя

иногда по 70 верст в сутки, Западная армия устремилась к Волге. 28 февраля была взята Уфа, и через месяц, пройдя 600 с лишним верст. Западная армия подошла на 100 верст к Симбирску и на 60 к Самаре. В это же время оренбуржцы генерала Дутова подошли на один переход к Оренбургу, а северная. Сибирская армия продвинулась на 80 верст от Казани. Но к середине апреля 19 года кривая успехов армий адмирала Колчака достигла своей наивысшей точки, а контрнаступление красных армий вынудило их к отходу. В мае Западная армия, оставив Уфу, отходила на Челябинск; несколько позже, под давлением общей обстановки начала отступление и Сибирская армия, быстро деморализовавшаяся.

14 июля был сдан Екатеринбург, и Сибирская армия, совершенно расстроенная не столько боями, сколько эсеровской пропагандой, была отведена глубоко в тыл на переформирование и пополнение. 24 июля Западная армия оставила Челябинск. В середине августа новый Главнокомандующий фронтом генерал Дитерихс, приведя войска в некоторый порядок, перешел в наступление, вначале удачное, из района между реками Тобол и Ишим и отбросил красных к западу от р. Тобол. Но после первоначального успеха, не получившего дальнейшего развития, сибирские армии снова, и неудержимо, покатались на восток, совершая свой беспримерный в истории поход в Забайкалье (от Кургана до Верхнеудинска около 3 тысяч верст) по бесконечным сибирским дорогам, часто тайгой, без всяких дорог, в жестокие морозы, по территории, объята восстаниями. 14 ноября красные заняли Омск, политический центр Сибири. Началась агония белого Востока.

С ноября месяца вся Сибирская магистраль была во власти чешских эшелонов. Спасая свою жизнь и увозя награбленное добро, оставившие фронт после вступления адмирала Колчака в Верховное командование, чехи захватили все поездные составы и парализовали все движение, отрезав сибирские армии от баз снабжения и от пополнений, обрекая на гибель от голода и холода раненых и больных воинов и беженцев, лишенных средств передвижения.

Вся огромная страна между Омском и Владивостоком находилась в состоянии революционного брожения. По всей Сибири поднялась волна крестьянских восстаний, вызванных как самоуправством и преступлениями местных властей, так и большевистской и эсеровской пропагандой. Тяжелое положение сибирских армий побудило к активным действиям прочно обосновавшиеся в Сибири организации эсеров, этих роковых предшественников большевизма, по их же собственному признанию приложивших все усилия для свержения сибирской власти и теперь поднявших восстания во Владивостоке, Иркутске, Красноярске и в других центрах, во имя примирения с большевиками.

После оставления Омска поезда Верховного Правителя, двигавшиеся на восток, были затерты среди сплошной ленты чешских эшелонов, и адмирал Колчак оказался практически отрезанным от армий. По свидетельству начальника штаба адмирала генерала Занкевича, при подходе поездов адмирала к Нижнеудинску выяснилось, что иркутский эсеровский «политцентр» вместе с большевистским военно-революционным комитетом поставили чехам условием свободного пропуска их эшелонов через Иркутск для дальнейшего следования на восток выдачу им адмирала Колчака, и, обуреваемые одним только желанием скорее уйти из Сибири, чехи не захотели осложнять свое положение дальнейшим вывозом адмирала за Иркутск, а командующий союзными войсками в Сибири французский генерал Жанен, встретив отказ чехов, счел себя вынужденным

санкционировать их решение о выдаче адмирала. Оставленный своими, пленённый ненавидевшими его чехами и преданный генералом Жанен, адмирал Колчак был доставлен в Иркутск и отдан в руки эсеровского «политцентра». Через три недели, 7 февраля 1920 года, ввиду приближения к Иркутску белых войск генерала Войцеховского, сменившего доблестного генерала Каппеля, умершего во время «Ледяного похода» от обморожения, адмирал Колчак был убит большевиками.

Обойдя Иркутск, отряд генерала Войцеховского перешел в середине февраля по льду озера Байкал, направляясь в Забайкалье на присоединение к войскам атамана Семенова.

* * *

Отойдя на левый берег Дона, добровольцы и донцы заняли фронт по Дону, где на главном, ростовском направлении

58-59

быстро, а на рейде стояло слишком мало судов. Занятые эвакуацией раненых и беженцев пароходы подолгу простаивали в иностранных портах разгрузки по карантинным правилам и запаздывали с возвращением в Новороссийск. Английский адмирал Сеймур обещал принять на борт своих кораблей 5-6 тысяч человек, и прибывали постепенно и русские суда. Появилась надежда, что в ближайшие 4-8 дней удастся поднять все войска и всех желающих продолжать борьбу в Крыму. Четыре первых транспорта были предназначены для Добровольческого корпуса, один для кубанцев, все остальные для донцов.

Несколько слов по поводу легенды о якобы имевшем место в Новороссийске «предательстве Донского войска»:

25 марта явился к Главнокомандующему командующий Донской армией генерал Сидорин, очень подавленный и смотревший на положение своей армии совершенно безнадежно. Все разваливается, — докладывал он, — никто воевать больше не хочет, и в Крым донцы, очевидно не войдут. Генерал Сидорин был озабочен главным образом судьбой донского офицерства, которому в случае сдачи в плен угрожала смертельная опасность. Число офицеров он определял в 5 тысяч человек. Генерал Деникин заверил генерала Сидорина в том, что все офицеры, которые смогут добраться до Новороссийска, будут посажены на суда. Но по мере того, как волна донцов подходила к Новороссийску, положение выяснялось в неожиданном для генерала Сидорина смысле. Колебания донцов рассеялись, и все донское воинство кинулось к судам. 26 марта генерал Сидорин обратился вновь к Ставке с требованием судов уже не только для офицеров, но и для всех казаков, в размерах совершенно невыполнимых. Генерал Деникин предложил тогда генералу Сидорину на выбор три решения: или оборонять Новороссийск еще в течение нескольких дней, когда несомненно придут недостающие транспорты, или повести лично донцов береговой дорогой на Геленджик, куда можно будет повернуть подходящие пароходы, или же отдаться на волю судьбы в расчете на уже имеющиеся суда и на помощь англичан.

Генерал Сидорин остановился на этом последнем решении, подчиненным же ему начальникам, а потом и прессе, поведал об учиненном Главным командованием «предательстве Донского войска».

Дороги к Новороссийску были забиты брошенными и испорченными орудиями и повозками, около города и вдоль полотна железной дороги лежали под откосами сброшенные поездные составы, а в самом городе, переполненном свыше всякой меры и ставшем буквально непроезжим, шла борьба за место на пароходе, борьба за спасение, и много человеческих драм разыгрывалось на его улицах и пристанях в эти страшные дни.

26 марта, назначенный начальником обороны города генерал Кутепов доложил генералу Деникину, что моральное состояние войск и их настроение не дают больше возможности оставаться в городе и ночью необходимо будет его оставить.

Вечером 26-го штаб Главнокомандующего и штабы Донского Атамана и командующего Донской армией были посажены на пароход «Цесаревич Георгий». Генерал Деникин с начальником штаба перешли на русский миноносец «Капитан Сакен».

Посадка войск продолжалась всю ночь. Часть добровольцев, в том числе 3-й Дроздовский полк и Черноморский конный полк, так же как и несколько полков донцов, не попавшие на суда, пошли береговой дорогой на Геленджик. Некоторые из них были подобраны подоспевшими судами, остальные, столкнувшись с преграждавшим путь большим отрядом зеленых, рассеялись, частью уйдя в горы, частью сдавшись.

Войска Кубанской армии и 4-й донской корпус, вышедшие к берегу Черного моря, расположились между Туапсе и Сочи, в районе, лишенном продовольствия и фуража. Боясь большевиков, грузины отказались пропустить их на свою территорию, кубанское правительство и Атаман генерал Букретов убеждали офицеров и казаков в непрочности положения в Крыму и склонялись к заключению мира с большевиками, чему противились военные начальники. Донские правители, уже приехавшие в Крым, тоже колебались и решили воздержаться от дальнейших перевозок донцов в Крым, опасаясь за его прочность и считая Крым «ловушкой».

Такое неопределенное положение длилось около месяца и, позже, закончилось трагически: Кубанский Атаман генерал Букретов через генерала Морозова (командующего Куб. армией), заключил с советским командованием договор о сдаче армии и сам скрылся в Грузию вместе с членами рады-самостийниками. Большая часть казаков сдалась, незначительное число ушло в горы, меньшая смогла погрузиться на пароходы, присланные за ними из Крыма уже генералом Врангелем. Из 25-27 тысяч было перевезено в Крым около 12 тысяч.

В начале марта начался также исход с Северного Кавказа войск генерала Эрдели. Войска, около 7 тысяч, и беженцы прошли через Владикавказ и по Военно-Грузинской дороге перешли в Грузию, где были разоружены и интернированы в Поти, откуда через месяц были перевезены в Крым.

Еще восточнее, берегом Каспийского моря отошел на Петровск астраханский отряд генерала Драценко, откуда совместно с Каспийской флотилией двинулся на Баку, а затем в Персию, в порт Энзели.

На маленьком Крымском полуострове сосредоточилось все, что осталось от недавно еще грозных Вооруженных сил Юга России. Войска были сведены в три корпуса, Крымский, Добровольческий и Донской, одну кавалерийскую дивизию и одну кубанскую бригаду, насчитывавших в своих рядах 3540 тысяч бойцов при 100 орудиях, при почти полном отсутствии материальной части, обозов и лошадей. Эвакуированные из Новороссийска добровольцы, около 25 тысяч, включая тылы, пришли

вооруженными, привезя с собой все свои пулеметы и даже несколько орудий. Донцы, около 10 тысяч, прибыли почти все безоружными.

Добровольческий и Донской корпуса, морально потрясенные, расположились в резерве для отдыха и приведения в порядок. Крымский, в составе около 5 тысяч человек, по-прежнему прикрывал перешейки — выходы из Крыма, сдерживая наступательный порыв немногочисленных сил 13-й красной армии. Со стороны Таманского полуострова красные не проявляли никакой активности.

Считая задачу перевозки и устройства армии в Крыму выполненной, генерал Деникин смог привести в исполнение свое решение оставить пост Главнокомандующего, принятое им еще на Кубани, после доклада генерала Кутепова. Считая необходимую внутреннюю связь армии с ее вождем порванной, генерал Деникин предложил генералу Драгомирову собрать старших начальников армии и флота на Военный Совет для избрания нового Главнокомандующего, которому генерал Деникин и передаст преемственно власть и командование.

Все попытки старшего командного состава склонить генерала Деникина к отказу от намерения оставить пост Главнокомандующего наталкивались на непреклонный и бесповоротный отказ генерала Деникина.

Находившийся в это время в Константинополе генерал Врангель также получил через английское командование предложение генерала Деникина прибыть на заседание Военного Совета, причем, предвосхищая решение Совета, английский Верховный комиссар адмирал Де Робек, осведомленный о настроениях в Крыму, счел нужным ознакомить генерала Врангеля с нотой английского правительства, адресованной генералу Деникину, в которой английское правительство предлагало генералу Деникину вступить в переговоры с большевиками о мире, обещая свое посредничество в переговорах и содействие в получении амнистии для личного состава войск Юга России. В случае же отказа генерала Деникина английское правительство снимало с себя всякую ответственность и прекращало свою поддержку Белого движения. От себя адмирал де Робек добавил, что, если генералу Врангелю будет угодно отправиться в Крым, он готов предоставить в его распоряжение судно, которое доставит его в Севастополь.

Поблагодарив адмирала, генерал Врангель ответил, что если у него еще могли быть какие-нибудь сомнения, то после того как он узнал содержание ноты английского правительства, этих сомнений быть больше не может. Безвыходное положение армии обязывает и если выбор Военного Совета падет на него, он не имеет права уклоняться.

Утром 4 апреля генерал Врангель прибыл в Севастополь. На заседании Военного Совета он ознакомил собравшихся с ультимативным требованием англичан, сказав, что если выбор преемника генералу Деникину остановится на нем, то, делив с армией славу побед, он не может отказаться испить с нею и чашу унижения, и, черпая силы в поддержке старших начальников армии и флота, согласится принять пост Главнокомандующего. После этого своего заявления генерал Врангель оставил заседание.

Обсудив сказанное генералом Врангелем, совещание постановило просить Главнокомандующего назначить своим преемником генерала Врангеля, о чем генерал Драгомиров немедленно доложил по прямому проводу генералу Деникину в Феодосию, сейчас же отдавшему свой последний приказ:

22 марта/4 апреля 1920 года. § 1. Генерал-лейтенант Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России. § 2. Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон. Господи, дай победу армии, спаси Россию. Генерал-лейтенант Деникин.

В тот же вечер, на борту английского миноносца генерал Деникин покинул Феодосию, направляясь в изгнание, длившееся 27 лет, до своей кончины в 1947 году, 74 лет от роду.

Становясь во главе Вооруженных сил Юга России, генерал Врангель полностью отдавал себе отчет в тяжелом, почти безвыходном положении, в котором находилась армия в Крыму. Еще на Военном Совете он говорил, что если ему придется принять на себя тяжкий крест возглавления армии, то при отсутствии помощи союзников, нет возможности рассчитывать на успешное продолжение борьбы и на победоносное ее окончание и единственное, что он может обещать, это не склонить знамени перед врагом и сделать все, чтобы вывести армию и флот с честью из создавшегося тяжелого положения.

Это сознание необходимости продолжать борьбу, пусть заранее обреченную на неудачу, но которую нужно все же продолжать, предпочитая почти неизбежную гибель позорной сдаче на милость победителя, служит ярким свидетельством величия духа, проявленного в те дни белым воинством, ибо если не было больше веры в победу, оставалось чувство долга, как у Главнокомандующего, вернувшегося из-за границы разделить участь своих соратников, чтобы «не склонить знамени перед врагом», так и у последнего белого офицера и солдата, у которых жило в сердце чувство долга часового, погибающего, но не оставляющего своего поста.

Понимая неосуществимость освобождения страны от власти советов «триумфальным шествием из Крыма к Москве», по собственному выражению генерала Врангеля, он оставил себе целью «создать хотя бы на клочке русской земли такой порядок и такие условия жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и все силы стонущего под красным игмом народа». Осуществление этой цели наталкивалось на отчаянное экономическое положение, создавшееся в бедном местными средствами Крыму, и выход в богатые южные уезды Северной Таврии становился жизненно необходимым. Успешные же действия в этом направлении должны были положительно отразиться и на политическом положении Крыма. К тому же общая обстановка начинала складываться благоприятно для белого Крыма: 25 апреля польские войска перешли в наступление и теснили красных на всем фронте.

Разведывательные данные, поступающие в штаб генерала Врангеля, говорили о предпринятых частями 13-й красной армии больших фортификационных работах по укреплению и усовершенствованию своих позиций, усиливаемых артиллерией. Поступали сведения о налаживании ближайшего тыла красных и об упорядочении железнодорожного сообщения в прифронтовой полосе. Все это могло указывать на стремление красного командования прочнее «запечатать» выходы из Крыма.

Войска генерала Врангеля, переименованные в это время из «Добровольческой» в «Русскую» армию, уже представляли собой серьезную силу. Численность бойцов на фронте, в запасных и тыловах частях достигла 40 тысяч человек, материальная часть была приведена в порядок, и армия располагала десятью танками и двадцатью аэропланами. Войска успели отдохнуть и оправиться, и генерал Врангель мог быть хотя бы временно спокоен за участь Крыма.

Совокупность всех этих данных и отвлечение внимания красного командования к польскому фронту вместе с возможностью использовать временное превосходство Русской армии в силах (30 тысяч против 16-17

тысяч красных) требовали скорейшего перехода в наступление, и 7 июня корпуса генерала Кутепова, на Перекопском участке фронта, и генерала Писарева у Салькова перешли в наступление с задачей отбросить красных за Днепр. Днем раньше корпус генерала Слащева высадился у дер. Кирилловки, восточное Арабатской стрелки, на побережье Азовского моря, и продвигался к Мелитополю. Пять дней продолжались жестокие бои, отчаянно защищавшиеся красные были отброшены на правый берег Днепра, от Каховки до устья, потеряв до 8 тысяч пленными, 30 орудий и оставив при отступлении большие склады боевых припасов, причем в дер. Чаплинка были захвачены оставленные красными баллоны с удушливыми газами и лаборатория для добычи газа. Задача, поставленная войскам, была выполнена, и выходы из Крыма были открыты.

Пять с половиной месяцев длилась борьба Русской армии на равнинах Северной Таврии. Оценивая качества белого воинства, Ц.К. коммунистической партии писал в «директивном письме», разосланном во все партийные организации:

«солдаты Врангеля сколочены в части великолепно, дерутся отчаянно и сдаче в плен предпочитают самоубийство»(?!).

Были в этой борьбе и победы, были и неудачи. Был разгром белой пехотой конной группы Жлобы в 7.5 тысяч шашек, были и жестокие, кровавые бои у Каховки, где переправившиеся на левый берег Днепра, и закрепившиеся там красные, нависали постоянной угрозой левому флангу всего белого фронта, была десантная операция на Кубань, не оправдавшая возлагавшихся на нее надежд на подъем кубанского казачества, была и заднепровская операция, имевшая целью сближение с польским противобольшевистским фронтом...

Но главной чертой всех боевых действий в Северной Таврии была их непрерывность. Начиная с июня бои продолжались непрерывно, затихая на одном участке фронта, но сейчас же вспыхивая на другом направлении, куда перебрасывались только что вышедшие из боя те же самые белые полки, и если красные, уже обладая численным превосходством, могли сменять одни дивизии другими, то на белой стороне везде и всюду дрались со всё новыми и новыми красными частями, неся тяжелые, невосполнимые потери, все одни и те же корниловцы, марковцы, дроздовцы, конники Барбовича, донцы Абрамова и кубанцы Бабиева, почти не получавшие пополнений.

Мобилизации в Крыму и в Северной Таврии исчерпали полностью всех способных носить оружие, и единственным источником пополнения, за исключением прибывших из Польши нескольких тысяч «бредовцев», оставались только лишь военнопленные красноармейцы; но влитые в белые войска они понижали их боеспособность. Русская армия буквально таяла, в то время как заключенный 12 октября Польшей мир с Советской Россией и прекращение боевых действий на польском фронте позволили красному командованию не только перебросить с Западного на Южный фронт большую часть освободившихся сил, в том числе и конную армию Буденного в составе четырех кавалерийских дивизий, но и направлять на юг все свободные резервы из внутренних округов и из Западной Сибири предназначавшиеся для польского фронта, доведя в сентябре численность войск своего Южного фронта до 133 тысяч человек против 30-35 тысяч бойцов Русской армии.

В штаб генерала Врангеля все чаще и чаще поступали сведения о подходе свежих частей противника.

Учитывая создающуюся обстановку и непрерывное усиление советских войск на Южном фронте, указывавших на неминуемость в ближайшем

будущем их перехода в наступление, генералу Врангелю предстояло решить вопрос — принимать ли бой в Северной Таврии или же отвести армию на перешейки и обороняться на укрепленных позициях Перекопа, Юшуни и Чонгара. Но отход в Крым обрекал армию и население на голод и другие лишения и, кроме того, на прекращение всякой помощи со стороны Франции, только что признавшей правительство Юга России «де факто», так как, засев в Крыму, белая армия потеряла бы всякий интерес в глазах западных держав.

На совещании генерала Врангеля со своими ближайшими помощниками, начальником штаба генералом Шатиловым и командующим 1-й армией генералом Кутеповым было принято единогласное решение принять бой в Северной Таврии.

С своей стороны командование красного Южного фронта, достигнув наконец путем постоянного и непрерывного усиления новыми дивизиями четверного превосходства в силах, сочло возможным перейти в решительное наступление на всем фронте с целью нанести войскам генерала Врангеля, находившимся в Северной Таврии, окончательное поражение и затем овладеть Крымом.

28 октября все пять армий Южного фронта, 6-я, 4-я и 13-я общевойсковые и 1-я и 2-я конные, двинулись в наступление, 2-я конная, 4-я и 13-я с севера, на фронте Никополь—Ногайск, в общем направлении на Мелитополь, 6-я с Каховского плацдарма на юг, на Перекоп, и 1-я конная, также от Каховки, с задачей стремительным движением на юго-восток овладеть ст. Сальково и Геническом, отрезая путь отступления Русской армии в Крым.

Достигнув района Сальково—Геническ 1-я конная армия должна была, заслонившись со стороны Крыма частью сил, главными силами действовать с юга на север и во взаимодействии с армиями, наступавшими с севера на юг, довершить уничтожение главных сил Русской армии.

29 октября 51-я дивизия 6-й армии, тесня отходящие части генерала Витковского, пыталась с хода овладеть Перекопской укрепленной позицией, но была отброшена войсками 13-й и 34-й пехотных дивизий. Повторённая на следующий день атака также не имела успеха и, кроме поисков разведывательных партий противника, боевые действия на этом участке фронта затихли до 7 ноября.

Дивизии 1-й конной армии к вечеру 30 октября вышли в район Сальково—Геническ, где и расположились на ночлег. Наступление 2-й конной, 4-й и 13-й армий протекало, по словам советского военного историка, «вяло и нерешительно», и донские дивизии генерала Абрамова медленно отходили от Мелитополя в направлении Чонгарского полуострова.

Утром 31-го двигавшаяся от Мелитополя к Чонгару 3-я донская дивизия генерала Гусельщикова, поддержанная бронепоездами, неожиданно для красных обрушилась в районе ст. Ново-Алексеевка, последней станции перед Сальково, на 4-ю кавалерийскую дивизию 1-й конной армии, оставленную заслоном против Крыма, тогда как остальные три дивизии Буденного были повернуты на север, против группы войск генерала Кутепова, с целью превратить оперативное окружение главных сил Русской армии в тактическое.

Не ожидавшая удара с этого направления 4-я кавалерийская дивизия была застигнута врасплох. Полки стояли по дворам расседланными и собранные наспех эскадроны выскакивали, прорываясь между белой пехотой. К вечеру буденновцы отошли из района Ново-Алексеевки на запад, оставив в руках

донцов артиллерию и обозы. Выход из Северной Таврии в Крым был свободен.

Донцы генерала Абрамова, отходившие от Мелитополя, стали втягиваться в Сальковское дефиле, за ними следом подходили с боем войска генерала Кутепова, преследуемые по пятам красной конницей. Пытавшиеся продолжать преследование красные были остановлены занявшими сальковскую позицию дроздовцами.

Решительное сражение в Северной Таврии закончилось. Красные овладели всей территорией, захваченной у них в течение лета. Русская армия понесла жестокие потери убитыми, ранеными и обмороженными, ранние морозы доходили до 14-15 градусов ниже нуля, а одеты были войска по-летнему. Значительное число было оставлено отставшими и пленными, главным образом бывшими красноармейцами, поставленными в строй белых частей. Армия осталась цела, но ее боеспособности был нанесен жестокий удар. Становилось ясным, что предел сопротивляемости войск был уже превзойден и никакие укрепления уже не смогут остановить врага. Несмотря на это удерживать позиции на перешейках еще хотя бы несколько дней было совершенно необходимо, чтобы избежать повторения Новороссийской катастрофы.

Сейчас же после принятия на себя возглавления Вооруженными силами Юга генерал Врангель считал необходимым обеспечить армию на случай несчастья на фронте и приказал разработать план эвакуации Крыма, то есть наметить порты для посадки войск на корабли и принять меры к сосредоточению в них запасов угля и масла. Позже, в начале октября, в первые же дни после заключения мира поляками, учитывая возможность неудачного исхода обороны Крыма, генерал Врангель отдал распоряжение проверить план эвакуации, составленный штабом совместно с командующим флотом.

Отдать сейчас же после отхода в Крым приказ армии о движении к портам погрузки было невозможно, нужно было выиграть время для прибытия судов в намеченные порты, для погрузки на них угля и для принятия на борт раненых и больных из лазаретов и тыловых управлений.

В ночь с 7 ноября на 8-ю армию красного Южного фронта двинулись в наступление снова. Две с половиной стрелковые дивизии 6-й армии с бригадой конницы, перейдя вброд через Сиваш, обмелевший до глубины в 0,75 метра, благодаря западному ветру, сгонявшему воду, атаковали позиции кубанской бригады генерала Фостикова на Литовском полуострове, восточное Перекопа, и к утру 8-го вышли на Перекопский перешеек, в тыл укрепленной позиции, обороняемой Корниловской дивизией. Почти одновременно позиция эта была атакована двумя бригадами 6-й армии и с фронта.

В течение трех дней и четырех ночей на всей 35-40-верстной глубине Перекопского перешейка до выхода с него на степной простор Крыма, чередовались яростные атаки пехоты и конницы почти 35-тысячной 6-й красной армии, на которые отвечали такие же контратаки пехотных частей генерала Кутепова и конницы генерала Барбовича, общей численностью около 10 тысяч человек (цифровые данные взяты из советских источников).

Под натиском превосходящих сил противника, отходя с тяжелыми потерями, особенно в командном составе (корниловцы, например, потеряли ранеными командующего дивизией и командиров всех трех полков), с одной линии укрепленной позиции на следующую за ней, белые бойцы явили в

этих последних боях яркий пример своей стойкости, сознания воинского долга и высокого самопожертвования, свидетельством чему могут служить потери, понесённые красными. Командующий красным Южным фронтом доносил 12 ноября Ленину: «Потери наши чрезвычайно тяжелы. Некоторые дивизии потеряли три четверти своего состава, а общая убыль достигает убитыми и ранеными при штурме перешейков не менее 10 тысяч человек» (цитировано у Короткова «Разгром Врангеля» стр. 271).

В ночь на 11 ноября две стрелковые дивизии красных прорвали последнюю линию Юшуньской позиции и этой же ночью 30-я стрелковая дивизия 4-й красной армии овладела последней линией укреплений на Чонгарском полуострове, открыв себе дорогу в Крым.

Получив донесение об оставлении войсками Юшуньской позиции, генерал Врангель отдал войскам директиву: оторвавшись от противника, идти к портам для погрузки на суда. Вместе с этим генерал Врангель подписал приказ, объявлявший населению об оставлении армией Крыма и о посадке на суда всех, кто разделял с армией ее крестный путь и тех, кому угрожает непосредственная опасность от насилий врага. Отпечатанный в течение ночи приказ был утром 12 ноября расклеен на улицах Севастополя и передан по телеграфу для оповещения населения городов.

В 24 часа 11 ноября радиостанция штаба генерала Врангеля приняла радиограмму командующего красным Южным фронтом генералу Врангелю с предложением прекратить борьбу и положить оружие. Никакого ответа на это предложение со стороны генерала Врангеля не последовало.

Войска продолжали отход почти без соприкосновения с противником, 1-й и 2-й корпуса на Евпаторию и Севастополь, конница генерала Барбовича на Ялту, кубанцы генерала Фостикова на Феодосию, донцы на Керчь.

С своей стороны командующий красным Южным фронтом еще 10 ноября отдал своим армиям директиву, в которой указывал 6-й армии наступать в направлении на Евпаторию, Симферополь, Севастополь и Ялту; 4-я армия должна была двигаться на Феодосию и на Керчь, а 1-й конной армии ставилась задача «энергичным преследованием разбитого противника не допустить посадки его войск на суда». Однако, — написал советский военный историк, — командующий 6-й армией (Корк) не понял или не хотел понять важности возложенной на его армию задачи и назначил на 12 ноября дневку. Только 13 ноября части 6-й армии, так же как и 1-я конная армия приступили к преследованию, протекавшему «медленно и осторожно». Объяснялось это будто бы тем, что до 13 ноября у красного командования еще не было данных о решении белых оставить Крым и предполагалось, что войска генерала Врангеля, «бегущие в панике (!!!), по выражению того же военного историка, окажут упорное сопротивление на самом полуострове.

Еще днем 10 ноября генерал Врангель пригласил представителей русской и иностранной печати и ознакомил их с создавшимся положением. «Армия, сражавшаяся не только за честь и свободу своей родины, но и за общее дело мировой культуры и цивилизации, оставленная всем миром, истекла кровью, — говорил генерал Врангель. — Горсть раздетых, голодных, выбившихся из сил героев еще продолжает отстаивать последнюю пядь родной земли и будет держаться до конца, спасая тех, кто искал защиты за их штыками.

В Севастополе погрузка лазаретов и многочисленных управлений, начавшаяся 11 ноября, шла в полном порядке. С утра 13-го начали погрузку прибывшие из Симферополя эшелоны с ранеными. Суда, нагруженные до

предела, выходили в море, и в бухте продолжали оставаться транспорты, предназначенные для подходивших войск генерала Кутепова, погрузку которых он рассчитывал закончить к 10 часам 14 ноября. Последнее прикрытие погрузки было возложено на заставы юнкеров Алексеевского, Сергиевского артиллерийского и Донского Атаманского училищ и частей генерала Кутепова. Командующему флотом было указано закончить всю погрузку к 12 часам 14 ноября.

Около 10 часов 14-го ноября генерал Врангель с командующим флотом обошли на катере грузившиеся суда. Погрузка была почти закончена, и на пристани оставалось еще несколько сот людей, ожидавших своей очереди. Снялись последние заставы, юнкера выстроились на площади. Поздоровавшись с юнкерами, генерал Врангель поблагодарил их за славную службу и отдал им приказание грузиться. В 14 часов 40 минут катер с генералом Врангелем на борту отвалил от пристани и направился к крейсеру «Генерал Корнилов». Суда, одно за другим, выходили в море.

Дав войскам Русской армии возможность погрузиться на корабли, красные вошли в Симферополь в 20 часов 13 ноября, утром того же дня оставленный белыми. Феодосия была занята в ночь на 15-е, 15-го же части 1-й конной армии вошли в Севастополь и только 17-го заняли Ялту.

Вооруженная борьба с большевиками на Юге России была окончена так, как и обещал генерал Врангель, не позорной сдачей на милость победителя, а с оружием в руках, сопротивляясь врагу до последнего шага на русской земле.

Война, в которой обе стороны поставили на карту самый вопрос своего физического существования, после трехлетней ожесточенной кровавой борьбы закончилась победой красных.

Не входя в рассмотрение всех причин неудачи вооруженной борьбы белых, причин как внешних, объективно существовавших, влиять на которые белые не имели возможности, так как лежали они ВНЕ естества Белого движения (центральное положение красных, позволявшее им действовать по внутренним операционным линиям, удаление белых окраин от Москвы и т. д.), так и причин внутренних, проистекавших из ошибок белых вождей, стратегических и политических, необходимо остановиться по крайней мере на одной:

все исследователи этого вопроса сходятся на том, что решающей причиной неудачи белых было подавляющее численное превосходство Красной армии, достигнутое привлечением в ее ряды крестьянского населения страны.

В самом начале гражданской войны крестьянство и, вернувшиеся в свои деревни солдаты старой армии, твердо верили и в прочность наступившего мира и в окончательное осуществление заветной мечты крестьян — захвата земли. Воевать они совершенно не собирались, но все их симпатии были на стороне большевиков, позволивших солдатам бросить фронт, а крестьянам приступить к черному переделу земли.

Потом, с созданием советской властью в деревнях комитетов бедноты (комбедов) и с организацией специальных продовольственных отрядов из рабочих для принудительного изъятия так называемых «ИЗЛИШКОВ» хлеба у крестьян, когда в крестьянской среде наступило известное отрезвление и разочарование в советской власти, было уже поздно, и своеобразному нейтралитету крестьян был положен конец:

уже в течение первой половины 18 года от принципа добровольного

вступления в создаваемую Красную армию большевики перешли к установлению общеобязательной воинской повинности, успев к этому времени создать и весь необходимый аппарат принуждения в виде ревтрибуналов, карательных и заградительных отрядов, на обязанности которых лежала и борьба с дезертирством, и крестьянству пришлось, волей или неволей, подчиняться мобилизационным распоряжениям советской власти и принять участие в борьбе на стороне красных, став почти неиссякаемым источником человеческих ресурсов для пополнения боевых потерь Красной армии и для новых формирований.

В то же самое время, когда рост численности Красной армии выражался в сотнях тысяч новых бойцов в год, численный состав белых армий главного Южного фронта если и возрастал сколько-нибудь, то рост этот, едва достигший нескольких десятков тысяч человек за все время борьбы, происходил или за счет постановки в строй белых частей военнопленных красноармейцев или же благодаря притоку новых добровольцев, главным образом из числа патриотически настроенной интеллигентной молодежи. Что же касается проведения мобилизации военнообязанных, еще не взятых в Красную армию до прихода добровольцев, в местностях, освобожденных Добровольческой армией за весну и лето 19 года, то, как сказал генерал Деникин, «освобождение нами огромных областей должно было вызвать народный подъем, восстание всех элементов, враждебных советской власти, и не только усиление наших рядов, но и моральное укрепление белых армий. Вопрос заключался лишь в том, изжит ли в достаточной степени народными массами большевизм и сильна ли воля к его преодолению. Пойдет ли народ с нами или по-прежнему останется инертным и пассивным?».

Жизнь дала ответ сначала нерешительный, потом отрицательный.

Не оказалось достаточно здравого смысла и воли к борьбе у состоятельных классов населения и у интеллигенции вообще, чьи инертность и настоящий «волевой столбняк», а во многих случаях и затаенная надежда на то, что кто-нибудь другой возьмет на себя труд свержения советской власти, также предreshали неудачу борьбы белых.

Это вольное или невольное содействие одних и других позволило большевикам создать армию, насчитывавшую к 1921 году до 5½ миллионов человек (статья бывшего главковерха Каменева «Красная армия» в сборнике «Десять лет советского строительства») и даже если в этой армии, по свидетельству того же Каменева, на одного бойца на фронте приходилось десять человек в тылу, то оставалось все же достаточно войск для того, чтобы раздавить белых своей массой.

Всем известна цена, которую пришлось и тем и другим заплатить за свое уклонение от участия в борьбе. Миллионы крестьян погибли впоследствии при раскулачивании и при коллективизации, поумирали от голода или же сгнили на принудительных работах в большевистских концлагерях, а десятки тысяч людей интеллигентных профессий были вынуждены служить своими знаниями и опытом строительству и укреплению ненавистой советской власти в качестве едва только терпимых слуг нового режима.

Бог не судил белым увидеть торжество идеи, во имя которой они три года вели полную жертвенности кровавую борьбу в конце концов вынуждены покинуть родную страну. Но и на чужбине в душе у них осталось на всю жизнь сознание честно и до конца исполненного долга, долга русского человека, не смогшего в те годы остаться глухим и равнодушным к судьбе унижаемой и разрушаемой матери-родины.

К. Перепеловский.